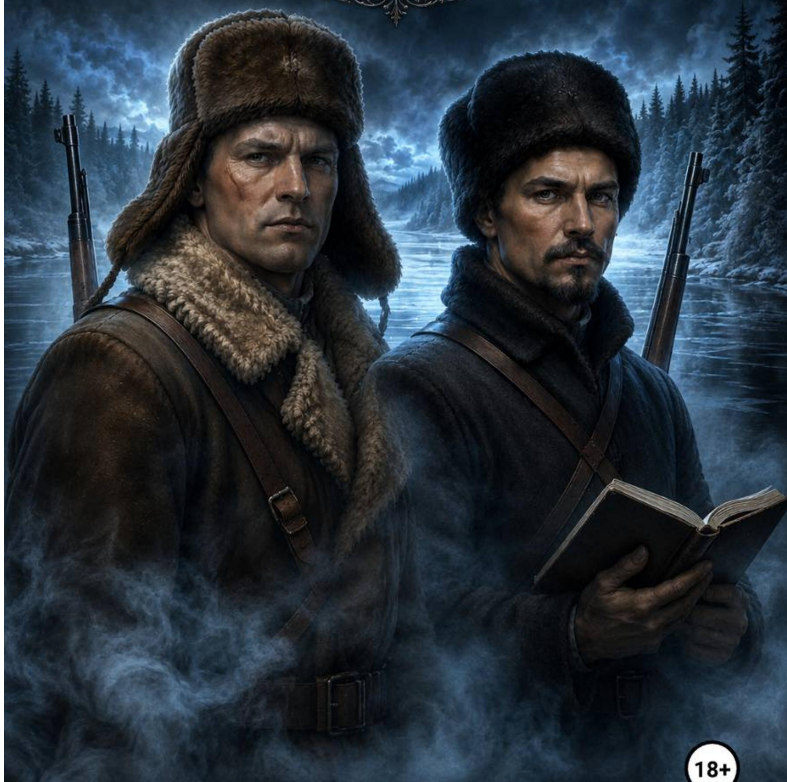

ТУМАН НАД ТУНГУСКОЙ

Солдаты чужой эпохи

18+

АНДРЕЙ СИБИРЯКОВ

Андрей Сибиряков

Туман над Тунгуской

<https://litres.ru/74324047>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туман над Тунгуской отбросил майора ВДВ Артёма Северова и капитана разведки Петра Волкова на сто лет назад — в Сибирь 1899 года. Никакой магии, только их опыт: Афганистан, Чечня, школа выживания.

Чтобы выжить в чужой эпохе, придётся работать, воевать и терять. Сначала — защитить деревню от банды каторжника Кряжа. Потом — создать отряд из жандармов и таёжных охотников, каких ещё не знала Российская империя.

Впереди — засады, расследования, дуэль с офицером охраны Государя и встречи с людьми из учебников истории. Двое солдат против разведок двух империй. Они знают, чем закончится эта эпоха. И не имеют права остаться в стороне.

Военная фантастика без окултизма. Только опыт, тактика и суровая реальность.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1	18
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	82
Глава 12	89
Глава 13	96
Глава 14	104
Глава 15	112
Глава 16	118
Глава 17	125
Глава 18	131
Глава 19	137
Глава 20	145

Андрей Сибиряков

Туман над Тунгуской

Пролог

ПРОЛОГ

Часть первая

АРТЁМ СЕВЕРОВ

Тула — Рязань. 1966–1988

Артём Северов родился в феврале 1966 года в Туле — городе, где оружие делали так же привычно, как пекли хлеб. Его отец, Иван Северов, двадцать два года отстоял у станка на оружейном заводе; мать, Зинаида, работала в заводской столовой. Семья была правильная, советская, без лишних разговоров. Трёхкомнатная хрущёвка на Октябрьской, огород у тёщи в Ясной Поляне, вечно включонный телевизор «Рекорд» и обязательная подписка на журнал «Огонёк». Жили как все.

Отец был немногословен. Однажды, когда Артёму исполнилось десять, он наткнулся в комод на коробку с медалями — «За боевые заслуги», «За отвагу» и другие, потемневшие от времени.

— Пап, это твои? — спросил мальчик.

Отец погладил его по голове, глядя куда-то сквозь стены,

словно вспоминая нечто тяжёлое и тревожное. Молча убрал коробку на место.

— Мои, сынок. Было и прошло, — бросил он и вышел на кухню курить. К этому разговору они больше не возвращались.

Артём рос крепким и беспокойным. В школе учился средне — не от нехватки ума, а от скуки. Зато в секции самбо дошёл до первого разряда, а в лыжных гонках выступал за область. Читал запоем: Пикуль, Симонов, Бондарев. Война в его воображении казалась красивой и честной. Жизнь ещё не успела объяснить ему, что это далеко не так.

В восемнадцать лет он подал документы в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. Отец не отговаривал. Лишь на вокзале, провожая, коротко бросил:

— Знай сын, в десанте слабаков не держат.

Они не обнялись — просто крепко пожали друг другу руки, по своему, по-северовски. Больше увидится им не довелось: отец умер от инфаркта, когда Артём заканчивал третий курс.

Рязань встретила Артёма плацем, рёвом старшин и бесконечными упражнениями на перекладине, брусьях и других не мене увлекательных спортивных снарядах. В восьмидесятые это место было особенным: сюда шли те, кто хотел быть первым, кто искал, где труднее. Четыре года изнуряющей тактической выучки, прыжки с Ан-2 и Ан-26, двадцатикилометровые марш-броски с полной выкладкой, рукопашный

бой. Курсанты носили простую «хэбэшку», зимой — шинели. Голубой берет надевали только по праздникам и на парады: он был символом, а не повседневностью.

В июне 1988 года Северов покинул стены училища в звании лейтенанта. В кармане — предписание в 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк, место службы — Баграм, Демократическая Республика Афганистан.

Август 1988-го. Баграм.

Самолет заходил на посадку крутой «спиралью» — стандартный маневр, чтобы уйти от огня ПЗРК. Когда открылся люк, Северов впервые вдохнул афганский воздух: сухой, раскаленный, пропитанный авиационным керосином, пылью и чем-то ещё неопределимым, что он позже научится называть «запахом войны». Советский Союз уже взял курс на выход, вывод войск шел полным ходом, но война жила по своим законам, не считаясь с политическими решениями.

345-й полк, легендарная часть Ограниченного контингента, стоял в Баграме с самого начала — с 1979 года. За плечами гвардейцев были десять лет непрерывных боев. Лейтенанта Северова назначили командиром взвода в третий парашютно-десантный батальон.

Снаряжение десантника образца 88-го года было продиктовано суровой практикой. АКС-74 — легкий, со складным прикладом, незаменимый в горах и тесноте бронетехники. Офицерский ПМ в кобуре на поясе. Тяжелый, сковывающий движения бронежилет 6БЗТМ, который «старики» при

первой возможности сбрасывали: в горах он скорее мешал, чем спасал. РД-54, набитый боекомплектom, сухпайком и перевязочными пакетами. И, конечно, «афганка» — легкий хлопчатобумажный костюм свободного кроя, ставший символом той войны, дополненный панамой, спасавшей от беспощадного солнца.

Боевое крещение Северов принял в сентябре 1988-го в провинции Баглан. Колонна с боеприпасами попала в засаду на серпантине. В тот момент Северов действовал на инстинктах: скомандовал рассредоточиться, вытащил из-под огня троих раненых, в одиночку подавил пулеметную точку с фланга — сам даже не понял как. А когда стихли выстрелы, его еще полчаса била крупная дрожь. К январю 1989 года он стал другим человеком. Четыре месяца афганской войны выжигали изнутри быстрее, чем годы мирной жизни. Впереди маячил февраль — срок окончательного вывода войск. Колонны тянулись на север через перевал Саланг, а полк Северова прикрывал их отход. Операция «Тайфун» — последний крупный аккорд советского присутствия — превратила долины в ад: артиллерия методично накрывала позиции моджахедов, расчищая путь к границе. Двое суток взвод Северова удерживал высоту, нависавшую над дорогой, под непрерывным перекрестным огнем. Итог: двое убитых, четверо раненых из восемнадцати человек.

15 февраля 1989 года последняя колонна пересекла мост через Амударью у Термеза. Генерал-лейтенант Борис Гро-

мов, командующий 40-й армией, прошел по мосту последним. Артём Северов пересёк границу раньше — на лязгающей броне, молча, не оглядываясь назад. За плечами остались девять месяцев войны, орден Красной Звезды и горькое осознание: реальность не имела ничего общего с книжными героическими эпосами.

Первая и вторая чеченские (1994–2003)

После Афганистана была 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия в Туле — почти домашняя, привычная. Артём дослужился до капитана. Девяносто первый год встретил в казарме: смотрел по маленькому черно-белому телевизору, как рушится великая страна. Союз исчез, армия осталась — теперь уже российская, полуголодная, с урезанным бюджетом, но всё ещё живая.

В декабре 1994-го его роту перебросили в Моздок, а оттуда — в Чечню. Первая чеченская началась сумбурно, с катастрофических просчетов политиков, не имевших ни малейшего представления о специфике городского боя. Новогодний штурм Грозного 31 декабря 1994 года обернулся трагедией: 131-я майкопская бригада и 81-й полк оказались в ловушке на узких улицах. Десантники работали на другом участке, но и им досталось.

Северов воевал в Грозном с января по март 1995-го. Городской бой — это не афганские горы. Здесь не было линии фронта: каждый подъезд мог стать братской могилой, каждое окно — амбразурой. На смену «афганке» пришла пят-

нистая «флора», в руках — АК-74 с подствольником ГП-25, за спиной — одноразовые «Мухи» и РПГ-26.

В феврале 1995-го у Северова впервые сдали нервы. Не в бою — после. Когда привезли тела четверых его солдат, среди которых был девятнадцатилетний паренек из Тамбова, Артём просто сломался. Он три часа просидел в сыром подвале, тупо глядя в облупленную стену, не в силах произнести ни слова. Между первой и второй чеченскими кампаниями пролегли три года зыбкого мира, Хасавюртовские соглашения и вывод войск. Северов в это время занимался боевой подготовкой в дивизии, дослужившись до майора. А в 1999-м, когда Басаев и Хаттаб вторглись в Дагестан, всё началось заново.

Вторая чеченская была иной: лучше организованной, лучше снабженной, с другим политическим вектором. Но смертей от этого меньше не стало. В 2000–2002 годах майор Северов командовал усиленной ротой в горах. Зимние операции в Аргунском ущелье, зачистки сел, засады на горных тропах. Появилось новое снаряжение — бронежилеты 6Б12, приборы ночного видения, надежная связь. Но горы оставались прежними, и люди гибли так же, как и раньше.

В июне 2003 года случилось то, что поставило крест на карьере Северова. Его роте приказали прикрывать выдвижение колонны по дороге, которую, по докладам разведки, якобы проверили. Комбат, спешивший отчитаться о выполнении задачи, приказал двигаться без доразведки. Северов

дважды докладывал о сомнениях, но его не слышали. На первом же повороте колонна подорвалась на фугасе. Двое солдат погибли, трое получили тяжелые ранения.

Северов подал рапорт по команде, затем выше, вплоть до прокуратуры военного округа. Скандал замяли: комбат отделался выговором. Майору же негласно предложили уйти. В октябре 2003-го он написал рапорт об отставке — без колебаний, с тем же прямым, тяжелым взглядом, с каким когда-то входил в афганские кишлаки.

Москва, 2024 год

Прошло двадцать лет. Артём Северов жил в Москве, в съемной «однушке» на Войковской — принципиально не покупал своего жилья. Работал инструктором по выживанию и огневой подготовке в частном тактическом центре за МКАДом: учил охранников, охотников и богатых любителей адреналина тому, что умел сам. Платили хорошо, работа была привычной.

В свои пятьдесят восемь он оставался крепким, широкоплечим мужчиной с короткой сединой и привычкой смотреть на собеседника чуть дольше, чем того требовали приличия. Почти не пил. По вечерам курил трубку. Женат не был: когда-то давно пытался, но армия и война не оставляют места для семьи, а он так и не научился выбирать между долгом и домом. «Каждый октябрь он уезжал в Восточную Сибирь — один, на две-три недели. Не ради охоты, а ради тишины, которой больше не найти нигде. Ему было важно

почувствовать, что мир существует и за пределами городско-го шума и чужих проблем. В октябре 2024-го он снова взял билет до Красноярска, а оттуда — до Байкита. Урочище на Нижней Тунгуске, куда он возвращался уже в четвёртый раз, встретило его привычно: молчанием, запахом хвои и прело-го мха. Ничто не предвещало, что из этой поездки он уже не вернётся — по крайней мере, в свой прежний мир».

Часть вторая. ПЁТР ВОЛКОВ

Владивосток — Ленинград. 1969–1991

Пётр Волков родился в марте 1969 года во Владивосто-ке — там, где Тихий океан упирается в советский берег, и оба делают вид, что так и надо. Его отец, капитан второго ранга Михаил Волков, служил на эскадренном миноносце Тихоокеанского флота и дома бывал редким гостем: служба не оставляла выбора. Мать, Ирина Аркадьевна, преподавала литературу в 28-й школе. Она научила сына читать рано: в пять лет Петька уже по слогам разбирал «Двух капитанов», водя пальцем по пожелтевшим страницам.

Владивосток семидесятых был городом военных, моряков и людей, знающих цену морскому горизонту. Пётр вырос на сопках над бухтой Золотой Рог, где ветер дул с океана девять месяцев в году. Там он привык к мысли, что мир гораздо больше и жёстче, чем кажется с домашнего дивана. В школе учился ровно, без блеска, но к тому, что его по-настоящему цепляло — истории, географии, психологии, — относился с жадностью, выходящей далеко за рамки программы. В деся-

том классе он «проглотил» учебник общей психологии для пединститутов — просто так, из любопытства.

Вопрос о службе в армии в семье Волковых даже не обсуждался: это было само собой разумеющимся. Отец не давил, но его пример говорил громче любых слов. В 1987 году Пётр подал документы в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище — одно из лучших в стране. Конкурс был жёстким, но он прошёл: с запасом по физподготовке и с трудом, но уверенно — по математике.

Ленинград открылся ему двумя лицами: историческим и военным. Эрмитаж и плац, белые ночи и ночные марши, Нева и полоса препятствий. Курсант Волков оказался в числе тех немногих, у кого хватало сил и на отличную учёбу, и на изнурительные тренировки. Командиры быстро заметили: этот парень не просто исполняет приказы — он думает, прежде чем их выполнять. Качество для советской армии двусмысленное: ценное и опасное одновременно. В 1990 году, на четвёртом курсе, курсанта Волкова вызвал начальник курса. Полковник с невыразительным лицом и цепким, внимательным взглядом предложил пройти отбор на спецпрофиль. Что это за подготовка — не уточнил. Пётр согласился, не задавая лишних вопросов, и это было верное решение.

Следующие полгода прошли в режиме сверхнагрузок: углублённая тактика разведки, психологические методы допроса и вербовки, минно-взрывное дело, снайперская подготовка на базе в Сосновом Бору. Инструкторы — люди без

знаков различия — говорили коротко и по существу. Никто не объяснял целей и задач: неведение было частью обучения. Выпускника этого курса мог распознать лишь другой офицер разведки; для всех остальных он оставался «невидимкой».

В мае 1991 года лейтенант Волков получил диплом и предписание в 55-ю дивизию морской пехоты Тихоокеанского флота. Владивосток. Почти дом. Но прежде — трёхмесячная стажировка при разведотделе штаба флота. Он возвращался в родной город другим человеком — того, кто уехал четыре года назад, здесь больше не было.

Тихоокеанский флот. Таджикистан. 1991–1998

Морская пехота ТОФ — это особый мир. Чёрная форма вместо сухопутного хаки, чёрный берет вместо десантного, тельняшка с чёрными полосами вместо тёмно-синих. Здесь царили жёсткая выучка, высокая самооценка и снисходительное отношение к «пиджакам». Волков вписался органично: в этой среде ценили тех, кто умел не только действовать, но и думать, и — что важнее — молчать.

Распад Советского Союза в декабре 1991 года застал его на учениях в Японском море: высадка десанта на необорудованное побережье, штатная задача. Вернулись они уже в другую страну. Начались годы неопределённости и тревоги: урезанное финансирование, туманные перспективы, массовый отток офицеров. Многие ушли, но Волков остался. В 1993-м его откомандировали в Таджикистан, в состав сводного отряда при 201-й мотострелковой дивизии. На таджик-

ско-афганской границе полыхала гражданская война: правительственные силы против оппозиции, за спиной которой маячили афганские моджахеды и бесконечные караваны с наркотиками. Российские части стояли живым щитом, удерживая хрупкий порядок.

Здесь началась настоящая работа. Не учебная — живая. Волков вербовал информаторов среди местных, учился вытягивать правду из того, что не было сказано вслух. Он читал людей по жестам, по взгляду, по тому, как они держат руки.

Пригодилась и снайперская подготовка: работал с передовых наблюдательных пунктов, корректировал огонь. Стрелял из СВД — «честной», безотказной винтовки, которую уважал за надежность.

Во Владивосток он вернулся в 1996-м капитан-лейтенантом, с орденом Красной Звезды и ввевшейся в кровь привычкой никогда не садиться спиной к двери. Затем — закрытый учебный центр в Хабаровске. Три месяца интенсивной психологии: методы давления, противодействие допросу, оперативный анализ. После этого курса он мог за двадцать минут разговора узнать о человеке больше, чем тот знал о себе сам.

А потом пришла Вторая чеченская.

В августе 1999-го, когда Басаев и Хаттаб вторглись в Дагестан, Волков уже понимал, что это значит. В октябре его подразделение морской пехоты перебросили на Северный Кавказ. В составе группировки «Запад» они обеспечивали раз-

ведку наступления на Грозный. Форма — «флора»: привычный зелёно-коричнево-чёрный камуфляж. Кое-где уже мелькала «цифра», но старая расцветка всё ещё доминировала. Бронежилет 6Б12 был на голову выше предшественников: керамические пластины действительно держали осколки и пули. АК-74М с планками Пикатинни под оптику стрелял точнее старого АКС-74. У самого Волкова в арсенале была СВД для снайперской работы и «ксюха» — АКС-74У, незаменимый в ближнем бою.

Но главным оружием оставалась голова. Его группа работала с документами и пленными — быстро, чисто, по отработанной методике. Пётр умел задавать вопросы так, что человек начинал отвечать раньше, чем успевал осознать последствия. Как-то командир разведотдела бросил: «Волков, тебе бы следователем работать». Пётр ответил коротко: «Я и работаю. Только без протоколов».

Грозный брали зимой 1999–2000 годов. В отличие от первой кампании, теперь действовали методично: артиллерия, авиация, зачистка квартал за кварталом. Небыстро, зато наверняка. Волков участвовал в операциях по захвату полевых командиров: разведка, анализ маршрутов, прикрытие группы. Работа невидимая, но филигранная.

До 2005 года он провёл в Чечне в общей сложности около трёх лет. Получил капитана. Мог стать майором, но не стал — и на то была причина.

В 2004-м ему в руки случайно попали документы, не

предназначенные для чужих глаз: накладные на снаряжение. Бронежилеты, которые по бумагам шли как «категория А» — новые, боевые, — на деле оказались списанным хламом с просроченными пластинами, не способными остановить пулю. Сколько парней погибло или осталось калеками из-за этой афёры, он не знал. Но мог представить.

Волков написал рапорт. Документ ушёл наверх и растворился там, как сахар в кипятке. Через неделю его вызвал замполит и долго, витиевато рассуждал о дисциплине и вреде «самодеятельности». Волков слушал внимательно, читая между строк то, что не было произнесено вслух: «Заткнись, или пожалеешь». Он умел читать людей — даже когда очень хотел этого не делать. В 2006-м капитан Волков подал рапорт об увольнении. В графе «причина» значились сухие «семейные обстоятельства». Настоящая же осталась похороненной в той самой папке с накладными, где он помнил каждую цифру.

Владивосток, 2024 год.

Восемнадцать лет на гражданке изменили его внешность, но не суть. В свои пятьдесят пять Пётр Волков оставался всё тем же поджарым, невысоким человеком с тихим голосом и привычкой обрывать фразы на полуслове. Он работал консультантом по безопасности — работа интеллектуальная, спокойная, хорошо оплачиваемая. В свободное время Пётр всерьёз увлёкся историей Сибири: со временем хобби переросло в глубокое исследование, и теперь он знал об освоении

восточных земель больше многих профессиональных историков.

Брак распался в 2010-м — тихо, без драм, с горьким осознанием: некоторые профессии не оставляют места для нормальной жизни. Дочь Катя осталась с матерью в Хабаровске. Он звонил ей каждое воскресенье и старался видаться на каникулах.

В тайгу Волков уходил, вооружившись старыми дореволюционными картами, которые собирал годами. Его манили маршруты промысловых экспедиций конца XIX века. В октябре 2024-го он прибыл в Байкит с конкретной целью: найти зимовье на правом берегу Нижней Тунгуски, упомянутое в отчёте 1897 года. Место было глухим, безлюдным — именно там, по его расчётам, должны были сохраниться следы ушедшей эпохи.

Он не знал, что всего в километре выше по течению разбил лагерь бывший майор ВДВ Артём Северов. И ни один из них не подозревал, что туман, поднявшийся над рекой на рассвете третьего дня, окажется чем-то иным, нежели просто природным явлением.

Они оказались в одном месте, в одно время. Но это место больше не принадлежало их времени.

ГЛАВА 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТУМАН

Туман пришел перед самым рассветом —бесшумный и плотный, как вата .

Северов проснулся не от звука, а от абсолютной, почти физически давящей тишины. Тайга никогда не молчит: в ней всегда что-то шуршит, трещит, ухает. Но сейчас мир словно выключили. Артём лежал в спальнике, вглядываясь в серый сумрак палатки, и чувствовал, как закладывает уши — будто при резком скачке давления.

Выбравшись наружу, он включил фонарик, но луч бес- сильно уперся в белую стену в двух шагах. Воздух стал густым, осязаемым, его хотелось раздвинуть руками. Река, до которой было не больше двадцати метров, исчезла — ни плеска, ни привычного запаха большой воды.

Вернувшись в палатку, Артём натянул свитер, зашнуровал берцы и привычно коснулся рукояти ножа на поясе. К берегу он пошел по памяти, считая шаги. На восьмом земля под ногами словно растворилась. Голова кружилась так, будто его ударили по затылку чем-то тяжелым. Северов рухнул на колени, выставив руки, и почувствовал под ладонями холодную, мокрую траву.

А затем ударило.

Это была не боль. Неистовый жар прошил жилы снизу

вверх, подобно электрическому разряду. Волна тепла выжгла из тела всё лишнее, оставив после себя странную, почти забытую легкость.

Артём замер, боясь пошевелиться. Спина... она не болела. Восемь лет, с того самого ушиба в Аргунском ущелье, каждое утро начиналось с хруста и ноющей боли, требовавшей долгой разминки. Сейчас же он выпрямился одним движением — легко, без единого стога суставов.

Он поднес руку к лицу. В тумане было темно, но кожа под пальцами ощущалась иначе: упругая, натянутая. Морщины у висков и на лбу исчезли, словно их стерли ластиком.

— Это что еще такое... — сказал он в пустоту. Голос прозвучал чисто, без привычной утренней хрипотцы курильщика.

Туман начал редеть так же внезапно, как и появился. Когда белое марево истаяло, Северов увидел, что стоит на той же террасе над Тунгуской. Сосны, кедры, очертания сопок — всё было на месте.

Не было только палатки. И фонарика в руках. У кромки воды покачивались три долблётки, привязанные к вбитым в берег кольям. Рядом, в кольце потемневших камней, догорал костёр; над огнём, на перекладине, висел закопчённый чугунок. Северов подошёл к реке и заглянул в тёмную, как дёготь, воду.

На него смотрел парень лет двадцати двух. Твёрдый подбородок, прямой нос, ясные светлые глаза. Его глаза. Но в

них не было той свинцовой усталости, которая за тридцать лет службы намертво вросла в его черты. Тело было молодым, но голова... голова помнила всё: Афганистан, обе чеченские, холод рукопашных схваток и горький привкус потерь.

Он привычно проверил карманы: зажигалка, паракорд, ибупрофен. Всё на месте. Кроме его возраста.

Из зимовья вышел мужчина — крепкий, в овчинном полушубке - (Свита - Утепленная куртка изготовленная из плотной суконной ткани или валяной шерсти, сшитая с толстым слоем подкладки панина или войлока), и мягких кожаных сапогах - броднях. Увидев незнакомца в странном свитере и берцах, он замер, сжимая в руках охапку дров.

— Откель? — спросил мужик, цепко оглядывая гостя.

— Издалека.

— С каторги, что ль, беглый? — в голосе не было страха, только привычная таёжная настороженность.

— Нет. Охотник я. Да вот ружьё потерял.

Мужик почесал густую бороду, не сводя с Северова тяжёлого взгляда.

— Пётр Игнатьич я. Промысловик. Садись к огню, чай поспел.

Пётр Волков почувствовал перемены ещё в тумане. Жар прошил тело плотной волной, словно по венам пустили кипяток. Когда головокружение отступило, он поднялся и замер: привычного хруста в правом колене, разбитом ещё в

Грозном, не было.

Как профессиональный аналитик, он первым делом выудил из кармана блокнот. Записал время: 06:42. Место: берег Тунгуски. Но стоило взглянуть на руку, как карандаш замер. Кожа на тыльной стороне ладони была гладкой, без пигментных пятен и сухости, свойственных пятидесятипятилетнему мужчине.

Он подошёл к воде. Из отражения на него смотрел юноша — с внимательным, тяжёлым взглядом, который никак не вязался с чистотой молодого лица. Волков оценил ситуацию за минуту: тело новое, багаж — старый. Память трёх войн и навыки психологического анализа остались при нём.

Запах синтетики исчез. Теперь воздух был пропитан дымом, навозом и сырой кожей — ароматами мира, не знающего электричества. Пётр спрятал блокнот в карман «Горки» и двинулся на запах жилья.

Маленькая деревня в несколько дворов встретила его заливистыми голосами лаек и взглядом молодой женщины, которая несла воду в вёдрах на коромысле. Она остановилась.

Он снял шапку, поклонился по-простому.

— Здравствуйте. Заплутал в тумане, лагерь потерял.

Женщина смотрела на него с той настороженностью, с какой в глухих местах смотрят на любого незнакомца: не страх, а осторожность жившего в тайге человека.

— Что то ищешь, — спросила она? — Один пришёл?

— Один.

— Откуда?

— Из Петербурга, — сказал Волков. — Учёный. Изучаю здешние места.

Женщина помолчала секунду, потом кивнула — этот ответ, как ни странно, её устроил. Учёные из столицы сдесь бывали — редко, но бывали.

— Матрёна я. Иди в избу, хозяин к вечеру будет.

Волков вошёл и сел на лавку. В избе было тепло, пахло хлебом и хвоей. На стене — шкуры, в углу иконы с лампадкой. Он оглядывал всё это внимательно, привычно каталогизируя: быт, уклад, уровень достатка, характер хозяйства. Промысловая семья. Достаток средний. Мужик в лесу, женщина одна с утра — значит, уходят на зорьке.

Он вынул блокнот и стал записывать наблюдения — убористо, своим шрифтом, который за тридцать лет превратился в личную стенографию. На чистой странице нарисовал схему деревни, как успел запомнить. Рука держала карандаш немного иначе, чем он привык, но через минуту писал уже нормально.

Тело молодое, голова старая. Бывают и худшие сочетания. Они встретились на третий день.

Северов к тому времени уже устроился: помогал Петру Игнатичу по хозяйству — колол дрова, чинил прогнившую стену навеса, наладил петлю для зайца. Наблюдал, слушал, привыкал. Из обрывков разговоров сложил примерный год: конец девяностых девятнадцатого века. Точнее пока не вы-

ходило.

На третий день Пётр Игнатьич сказал за утренним чаем:

— Ещё один пришёл.

— Кто?

— Незнакомый. Говорит — учёный из Питера. Одежда тоже чудная. — Промысловик посмотрел на Северова. — Молодой. Такой же как ты.

Северов поставил кружку.

— Где он?

— У Матрёны остановился. Крайняя изба.

Северов встал.

Волков сидел во дворе, делая записи, когда услышал шаги. Обернулся. Высокий парень в берцах и флисе. Постановка корпуса, экономные движения, привычка контролировать пространство — военный. Офицер.

Северов остановился в двух шагах. Взгляды встретились. Два молодых лица — и две пары умудрённых опытом, всё видевших глаз.

— Ты из какого года? — тихо спросил Северов.

— Из две тысячи двадцать четвёртого, — ответил Волков, и его плечи заметно расслабились.

— «Чёрный Камень»?

— Да. Пётр Волков.

— Артём Северов. Майор ВДВ в отставке.

Они ушли на берег, подальше от лишних ушей. Разговор был коротким и жёстким.

— Схема такая, — Волков чертил прутиком на земле. — Ты — молчаливый охотник. Я — учёный-натуралист. Мы — одна экспедиция.

— Долго не продержимся, — отрезал Северов. — Здесь проверяют делами.

— Значит, станем своими раньше, чем нас раскусят.

Вечером в деревню пожаловал Кряж.

Трое всадников придержали коней у Матрёниной избы. Северов и Волков наблюдали за ними из тени навеса. Крайний справа держал ружье с той небрежностью, которая выдает не охотника, а человека, привыкшего убивать.

— Кряж, — прошептал за их спинами Пётр Игнатьич. — Беглый с централа. Второй год кровь из деревень пьет. У соседа всё зерно выгреб — жена того зиму не сдюжила.

Кряж — крепкий мужик с унтер-офицерской выправкой — оглядывал улицу хозяйским взглядом, словно прикидывая что-то в уме.

— Разберемся, — бросил Северов, когда всадники скрылись в чаще.

— Обязательно, — отозвался Волков. — Но сначала нужно понять, с кем имеем дело.

Северов кивнул. Они стояли на берегу реки, которая текла здесь и сто лет назад, и будет течь спустя столетие. Время для них изменилось, но работа осталась прежней.

Глава 2

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Деревня жила по своим, вековым законам, почти не замечая двух пришлых. Это равнодушие было красноречивее любых расспросов: тайга порой выбрасывает на берег людей без прошлого и имени. Беглые, бродяги, «фартовые» — здесь не спрашивали. Молчание на Тунгуске считалось не враждебностью, а высшим проявлением таёжного такта: каждому давали шанс начать с чистого листа, пока он не нарушит негласный уклад.

Артём понял это на второй день, Пётр уловил ещё в первый вечер.

— Нас пока только терпят, — заметил Волков, когда они остались одни в зимовье. — Это не то же самое, что приняли. Между «погреться у печки» и «стать своим» — пропасть.

— Знаю, — коротко отозвался Северов. — Что предлагаешь?

— Работать. Молча и до седьмого пота. Это единственный язык, который здесь понимают без перевода.

Утро четвёртого дня пахло морозом и прелой хвоей. Северов вышел из зимовья ещё в сумерках. Пётр Игнатьич уже был на ногах: стоял у пустой поленницы, оценивающе глядя на остатки дров, а затем перевёл взгляд на Артёма. Тот сидел у догорающего костра, грея ладони о жестяную кружку

с чаем.

— Дров-то в обрез, — бросил промысловик, не глядя в глаза.

Артём допил, поставил кружку на камень и поднялся.

— Топор дашь?

Игнатич помедлил — в этой секундной паузе он словно взвешивал Северова на невидимых весах — и вынес из сеней тяжёлый топор на ладном, длинном топорище. Северов взял его, привычно качнул, проверяя баланс. Сталь была старой, надёжной, но жало затупилось. Попросив точильный брусок, Артём за пять минут навёл лезвие, получая странное, почти забытое удовольствие от самого процесса подготовки.

Работа пошла легко. Молодое тело, в отличие от того, прежнего, было «честным». Оно не ныло в пояснице и не просило передышки. Мышцы откликались мгновенно, сила казалась избыточной и почти радостной. Тяжёлые берёзовые кряжи распадались под ударами чисто, с хрустальным звоном. Чурки ложились в ровные ряды.

Игнатич сначала наблюдал издалека, потом молча ушёл чинить сети. Северов работал до обеда, пока гора свежих дров не выросла выше крыши навеса. Остановившись, он вогнал топор в колоду. Ладони горели — кожа была ещё слишком нежной, городской, и он отметил про себя, что пора набивать мозоли.

Промысловик вышел из избы и замер, глядя на результат.
— За утро... один столько навалил, — в его голосе впер-

вые прозвучало не удивление, а скупое мужское уважение. — Откелева в тебе силища такая, парень? — бросил Игнатьич, и в голосе его впервые прозвучала не настороженность, а добрая усмешка. — Не иначе матерью твоей медведица была!

— Привычка, — Северов вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— К чему привычка?

— К труду. Без работы человек ржавеет.

Игнатьич помолчал, огладил густую бороду:

— Ужинать будешь с нами. Садись к столу.

Это было больше, чем приглашение на щи. Это был негласный пропуск в круг «своих».

Волков в это время вёл свою войну — тихую, аналитическую. Он не махал топором, он разговаривал. Ходил по дворам, расспрашивал о приметах осени, о капризах реки, о планах на зимний промысел. Говорил мягко, по-умному, без столичного высокомерия, которое так злит деревенских. За три дня он, словно опытный разведчик, составил карту человеческих связей: кто кому кум, кто затаил обиду, а кто держит деревню в кулаке.

Матрёна стала для него главным источником сведений. Она замечала то, мимо чего другие проходили, не повернув головы. На третий день, когда Волков сидел у неё за столом, записывая что-то в блокнот, она вдруг внимательно посмотрела на него:

— Вы, Пётр Михайлович, на вашего брата учёного совсем не похожи.

— Это на каких же? — Волков отложил карандаш.

— Да бывали тут... белоручки из Питера. Смотрят на всё, рот разинув, будто на ярмарке. А у вас взгляд другой. Цепкий. Вы сначала дело делаете, а потом в книжку глядите.

Волков усмехнулся:

— Я учёный особого склада, Матрёна. Знаю: правда не в книгах, а в людях.

Хозяйка одобрительно кивнула:

— Ну и ладно. Приходите завтра обедать, и товарища своего зовите.

Разговор о Кряже созрел на пятый вечер. Они сидели втроём у огня — Северов, Волков и Игнатъич. Ночь навалилась на берег Тунгуски чёрной, непроницаемой стеной.

— Рассказывай, — попросил Волков. — Всё, что знаешь.

Промысловик долго молчал, вороша угли сучковатой палкой.

— Объявился он здесь два года назад, — наконец негромко заговорил он. — Тимофей Кряжев. Говорят, из сибирских, в пехоте унтером служил. За что на каторгу загремел — не рассказывает. Бежал с Александровского централа. Сначала один таился, а теперь вокруг него человек десять собралось. Гнилой народ: беглые да лихие.

— Где они сидят? — спросил Северов.

— Мёртвый порог. Там у них база, в верхних зимовьях.

Место глухое, не подступишься. Кряж держит их в строгости, как в армии. Оружие есть: берданки, ножи. Наведываются раз в месяц, забирают провизию, порох да девок пугают. «Налог на защиту», — смеются.

— А власть что? Пристав?

— Да присылали казаков два года назад. Четверо их было. Не один не вернулся... С тех пор никто не суется.

Игнатъич замолчал, впившись в них тяжёлым взглядом.

— Вижу, люди вы не простые, — произнёс он после долгой паузы. — Не охотники вы, и не учёные. Но вижу, сердца у вас не злые. Если задумали что против Кряжа — скажите. Чем смогу, тем помогу.

Северов и Волков переглянулись.

— Скажем, — пообещал Артём.

Позже, когда деревня уснула, они остались у костра вдвоём.

— Ситуация ясна, — Волков чертил прутиком на подмёрзшей земле. — Кряж — не просто бандит, он лидер. Держит людей на страхе и пайке. Это его сила, но это же и слабость. Страх — плохой клей для команды.

— Нам нужно оружие, — отрезал Северов. — Без стволов мы здесь просто двое парней с хорошими мускулами.

— У Игнатъича не проси, у него одно ружьё на всю семью. Матрёна упоминала Черкасова из Нижнего Камня. Он единственный, кто Кряжу не платит и до сих пор жив. Пойдём к нему завтра.

В ночь на седьмой день небо затянуло тяжёлой белёсой мглой. Воздух стал густым, пропитался запахом приближающегося снега. Волков вышел на крыльцо, чувствуя, как мороз щиплет щёки. Из темноты бесшумно вынырнул Северов и встал рядом.

— К утру повалит, — негромко сказал Артём.

— Первый снег, — отозвался Волков. — Кряж всегда приходит с первым снегом. Времени у нас почти не осталось.

Они стояли плечом к плечу, вглядываясь в безмолвную тайгу. Река внизу ворочалась под тонкой ледяной коркой, готовясь к долгому сну. Оба понимали: завтра начнётся их настоящая война за это прошлое, которое внезапно стало их единственным настоящим.

Глава 3

ГЛАВА - 3.

Первый снег пришёл ночью, без предупреждения. Укрыл мир белым саваном и остался. Утром деревня проснулась преображённой: лиственницы сбросили последнюю хвою и замерли — чёрные, словно обугленные спички, воткнутые в глубокий сугроб. Река потемнела, пошла нехотя, густея от холода, будто человек, которому не хочется покидать тёплый дом, но долг велит идти в путь.

Северов вышел из зимовья, вдохнул колючий воздух и негромко бросил в пустоту:

— Ну вот. Началось.

— Что началось? — отозвался Пётр Игнатьич, выходя следом с охапкой дров.

— Зима.

Промысловик посмотрел на него с лёгким прищуром, в котором читалось снисхождение старого таёжника:

— Зима в ноябре начинается, парень. А это так... снежок.

— И долго она здесь? — спросил Артём.

— До апреля. А бывает, и май прихватит.

Северов помолчал, переваривая новость. Пять месяцев ледяного плена.

— Хорошо живёте, — наконец выдохнул он, глядя на пар, вырывающийся изо рта.

Пётр Игнатьич лишь пожал плечами: для него это было так же естественно, как смена дня и ночи.

Жизнь в Сибири рубежа веков оказалась испытанием, к которому ни десантная выучка Северова, ни разведывательный опыт Волкова не готовили их в полной мере. Физическая тяжесть не пугала — молодые тела работали как часы, выносливости было в избытке. Проблема крылась в мелочах: в бесконечной череде действий, которые в двадцать первом веке решались поворотом крана или нажатием кнопки, а здесь требовали времени, сноровки, а иногда и кровавых мозолей.

Настоящим открытием стала баня. На третий день после снегопада Пётр Игнатьич объявил банный день. Северов, пригнувшись, шагнул вслед за хозяином в крохотный, почерневший от времени сруб у самой кромки льда — и через двадцать минут выскочил обратно, жадно хватая ртом морозный воздух.

Волков ждал своей очереди, сидя на бревне.

— Ну как? — поинтересовался он.

— Там темно, как в аду, а камни раскалены докрасна, — выпалил Северов, пытаясь отдышаться. — Там и так дышать нечем, а он всё плещет из ковша да веником хлещет. Я думал, с меня сейчас кожа слезет.

— Это баня, Артём. Ты что, в Москве в сауны не ходил?

— Ходил. Но там хоть градусник на стене висел и вентиляция была. А здесь... здесь просто запредельный жар и аб-

солютная тьма.

Волков вздохнул, убрал свой неизменный блокнот и шагнул в клубы пара. Вышел он через полчаса — красный, как варёный рак, с прилипшим к уху берёзовым листом.

— Ну? — с надеждой на сочувствие спросил Северов.

— Записал наблюдения, — невозмутимо ответил Волков, отряхиваясь. — Крайне информативно. Полезно для иммунитета.

Еда стала вторым открытием. Рацион был прост до аскетизма: щи, каша, изредка рыба. Хлеб Матрёна пекла раз в три дня — огромные, тяжёлые ржаные караваи. Северов, взяв первый кусок, долго и вдумчиво жевал, глядя в заиндевшее окно.

— Зубы, — сказал он наконец.

— Что — зубы? — не понял Волков.

— Хорошо, что они у нас сейчас молодые. Настоящий ржаной хлеб требует крепких челюстей.

С рыбой дела пошли быстрее. Пётр Игнатьич научил Северова бить хариуса острогой. Стоять на носу лодки в полной неподвижности, когда ледяная вода Тунгуски течёт под ногами, а мороз щиплет лицо — это требовало терпения снайпера. Северов учился молча, и когда на второй день принёс связку крупной рыбы, старый промысловик лишь скупно кивнул. Это была высшая похвала.

Но репутацию им сделал не топор и не острога, а случайность. Прохор, молчаливый сосед, пришёл с гноящейся ра-

ной на голени. Северов, вспомнив армейские курсы тактической медицины, промыл её крепким соляным раствором, вырезал омертвевшие ткани и наложил чистую повязку. Когда через два дня Прохор принёс за это жирного зайца, Артём был в замешательстве.

— Я просто рану обработал, — удивлялся он вечером, вертя в руках зайца.

— Ты не понимаешь, — серьёзно ответил Волков. — Здесь нет антибиотиков и фельдшера. Для него это была угроза жизни. Теперь у нас есть то, чего не купишь за деньги — репутация знахарей. В этих местах это важнее любых документов.

Вслед за Прохором потянулись и другие. Старуха Пелагея, сухая и острая на язык, пришла с болями в спине. Северов показал ей пару упражнений и объяснил, как прогревать поясницу раскалённой солью. Пелагея разогнулась, осторожно повернулась и посмотрела на Северова как на чудотворца.

Мирная жизнь закончилась на одиннадцатые сутки. Волков, обладавший чутким слухом разведчика, услышал разговор Матрёны с соседкой. Речь шла о Верхнем Камне — крохотной деревне выше по реке. Кряж отправил туда двоих своих людей. Они не просто взяли дань — они заняли одну из изб, избивая хозяев и терроризируя женщин.

— Это начало, — сказал Волков, когда они с Северовым вышли к реке. — Кряж умный. Он не захватывает всё сразу, он пробует нас на прочность. Установление контроля над

территорией. Классика.

— Ты откуда такие термины знаешь? — хмуро спросил Северов.

— Я сам их применял. В Чечне. Только по другую сторону.

Волков замолчал, а Северов долго смотрел на тёмный, тяжёлый лёд.

— Это не наша война, Пётр. Мы здесь чужие.

— Ошибаешься, — отрезал Волков. — Как только мы съели их хлеб и сели к их огню — она стала нашей. И ты это понимаешь не хуже меня.

Разговор с Черкасовым лишь подтвердил худшие опасения. Фёдор Силантыч был мрачен:

— Мужики запуганы. Кряж за неповиновение избы жжёт, людей калечит.

— Теперь есть мы, — коротко ответил Северов.

Черкасов глянул на дощатую перегородку.

— Варя, зайди, — негромко позвал он.

Девушка вошла в комнату, легко откинув холщовый занавес. Лет девятнадцати, с туго заплетённой косой и цепким, не по-девичьи спокойным взглядом. Докладывала сухо, по-военному: двое бандитов, Силком и Чернявый. Один — рыжий, кряжистый; другой — юркий, хитрый. Вооружены берданкой и двустволкой. Ночуют в крайней избе, пьют беспробудно.

— Откуда знаешь? — Северов взгляделся в её глаза.

— Ходила смотреть, — пожала плечами Варвара. — Кто-то же должен знать правду.

План Волкова был тонок и опасен. Вместо того чтобы просто перебить бандитов и навлечь на деревню гнев всей шайки Кряжа, он решил сломать их изнутри.

— Непонятное пугает сильнее пули, — объяснял он. — Я хочу, чтобы они бежали в ужасе и посеяли сомнение в голове самого Кряжа.

В Верхний Камень их вела Варвара. Она шла впереди, легко читая заснеженный лес, и Северов невольно любовался её уверенными, экономными движениями. Но на подступах к деревне он остановил её.

— Останешься здесь.

— Почему это? — возмутилась она, вспыхнув.

— Потому что это работа, а не прогулка, — твёрдо отрезал Северов. — В лесу останешься, будешь ждать нашего сигнала. Это не обсуждается.

Варвара посмотрела на него с упрямством, способным сдвинуть скалу, но спорить не стала. Только сжала губы в тонкую линию.

Тайга молчала — огромная, вечная, равнодушная. Она умела ждать своих героев, в какое бы время они ни родились.

Глава 4

Верхний Камень засыпал тяжело и тревожно — как засыпает человек, в душу которого закрался гнетущий, липкий страх. Огни в избах гасли один за другим, и вскоре лишь в крайнем доме, у самой кромки леса, продолжало мерцать мутно-жёлтое пятно окна, похожее на незаживающий нарыв.

Там пили. Силком, широкий и рыжебородый, развалился на хозяйской лавке с видом человека, которому весь мир задолжал и до сих пор не расплатился. Его ручищи, когда-то гнувшие подковы на спор, теперь тяжело покоились на столе рядом с четвертью мутного самогона. Напротив клевал носом Чернявый — юркий, белобрысый, с вечно бегающими глазами. Он пил мало, «берёг голову», и Силком ценил это качество в напарнике, хотя в душе и считал его трусоватым.

За стеной избы дышала глухая ноябрьская тайга. Силком привык к ней за годы бродяжничества: для него она была лишь декорацией к лихой жизни. Задув свечу, он повалился на лавку и провалился в тяжёлый, нездоровый сон.

Северов и Волков подобрались к Верхнему Камню ещё в сумерках. Пока Артём наблюдал за опушкой, Пётр, словно тень, обошёл избу, изучая стены и запоры.

— Нам нужно, чтобы они ушли сами, — шептал Волков, укрывшись за поваленным кедром. — Побитый враг возвращается с подкреплением, а напуганный до икоты — будет

бежать до самого Иркутска. Человек боится двух вещей: боли и непонятного. Боль рождает злобу, а непонятное растёт в голове само, лишая воли.

— Что именно ты задумал? — Северов привычным жестом проверил нож на поясе.

— Входим бесшумно. Дверь на засове, но я поддену щекотку через щель. Сначала вяжем ружья, потом будим. Никаких криков и угроз — говорим тихо. Тихий голос, знающий твоё имя и твои грехи, страшнее любого вопля.

— Какие грехи? — хмыкнул Северов. — Мы их знать не знаем.

— Знаем, — тихо отозвался Волков. — Пока ты смотрел на опушку, я сидел под окном. Они в пьяном угаре, как на исповеди, говорили о своей судьбе горемычной, — продолжил Волков. — Силком рассказывал про Тобольск и мать, а Чернявый бредил про какого-то Митьку, которого утопил. Я всё запомнил. Теперь используем их же слова против них.

Волков помолчал, а затем пристально посмотрел на напарника:

— И главное, Артём... Никаких твоих ухмылок и хмыканья. А то рухнет весь антураж.

В избу вошли в третьем часу ночи. Дверь поддалась без скрипа: Волков ловко сдвинул деревянный засов. Северов приоткрыл её — ровно настолько, чтобы верхний край не зацепился за косяк, — и, уперевшись пальцами под низ, бесшумно снял с навесов.

Внутри стоял тяжёлый дух перегара, кислых щей и залежалой овчины. В багровых отсветах догорающих углей Северов разглядел у входа берданку и двустволку.

Артём достал паракорд и за сорок секунд наглухо притянул приклады к тяжёлому кованому крюку в стене. Морской узел держал намертво. Он кивнул Волкову.

Тот уже стоял над Чернявым. В красном полумраке фигура Волкова казалась неестественно длинной, а лицо — застывшей маской. Он опустился на колено и заговорил прямо в ухо спящему — ровно, монотонно, как капает вода в пустую бочку:

— Чернявый... ты слышишь меня. Не открывай глаза. Слушай. Мы знаем, что ты из Красноярска. Знаем про Митьку Рябого, которого ты оставил в воде восемь лет назад. Мы знаем всё.

Чернявый открыл глаза и замер. Тело сковало, словно заклинивший механизм. Лицо над ним не моргало. В его мире живые люди так не смотрели и таких вещей знать не могли.

Тем временем Северов присел рядом с Силком. Тот проснулся раньше — инстинкт каторжника не подвёл — и теперь лежал, боясь пошевелиться.

— Силком, — негромко произнёс Северов. — Ты из Тобольска, из дома мясника Ерохина. Твою мать звали Агафьей. Ты всегда чувствуешь, когда надо уходить. Уходи сейчас, забирай напарника и не оборачивайся. Иначе то, что мы сделаем с вами, будет хуже каторги.

Северов чуть подался назад и задел коленом тяжёлый чугунок, стоявший у печи. Тот выкатился на середину избы с оглушительным, колокольным звоном.

Это стало последней каплей. Силком вскочил, ударился головой о низкую матицу и рванулся к ружьям. Дёрнул раз, другой — приклады не поддавались, словно их держала невидимая рука.

— Чернявый, вставай! Уходим! — сорванным голосом заорал он.

Они вылетели из избы, как пробка из бутылки. Чернявый — в чём был, Силком — в одном валенке, сверкая белой пяткой по насту в лунном свете. Скрип снега быстро затих в глубине тайги.

Северов стоял посреди избы, не сводя глаз со злополучного чугунка. Затем перевёл взгляд на Волкова. Тот сохранял невозмутимость, хотя в глазах плясали озорные искры.

— Чугунок, — констатировал Северов.

— Это называется, — Волков сделал умное лицо, — форс-мажорное усиление психологического эффекта. Чугунок, Артём, великая вещь. Сработал лучше любого пистолетного выстрела.

Северов не выдержал и, прислонившись к стене, беззвучно рассмеялся. Смеялся долго, до слёз, вспоминая белую пятку Силкома.

— Отсмеялся? — спросил Волков. — Пошли. Валенки я на гвоздь у двери повесил, пусть хозяин забирает.

Варвара ждала их у старой ели. Увидев два трофейных ружья, она лишь коротко выдохнула.

— Как вы это сделали? — спросила она по дороге назад.

— Поговорили, — усмехнулся Северов. — Ну и чугунок помог.

Они шли по заснеженной тропе. Луна заливала тайгу мертвенным синим светом, и Северов вдруг поймал себя на мысли, что замечает красоту этих мест — иней на лапах елей, искры на снегу — как замечают что-то своё, кровное.

— Ты никогда не хотела уехать отсюда? — спросил он Варвару.

— Хотела когда-то, — ответила она, не оборачиваясь. — Думала, в Иркутске жизнь другая. А потом поняла: иная жизнь — не значит лучшая. Я знаю своё место. А ты?

Северов промолчал. Он ещё не определился со своим местом в девятнадцатом веке, но чувствовал: это «место» всё чаще оказывается там, где рядом идёт эта прямая, упрямая женщина.

Утром Нижний Камень бурлил. Вести о позорном бегстве кряжовских людей облетели дворы быстрее пара. Черкасов, увидев новые ружья, лишь прищурился.

— Хорошая работа, — сказал он. — Кряж теперь не двоих пришлёт. Сам придёт. Есть один человек, который знает его лучше всех — Фрол Сивый, старый казак, живёт выше по реке. Что то было между ними, но Фрол об этом молчит. Завтра пойдёте к нему, он должен помочь.

На рассвете Северов обнаружил, что его шапка исчезла из лавки. После долгих поисков он нашёл её на заборном столбе. Рядом, с видом абсолютной непричастности, сидела рыжая жирная кошка.

Северов поймал взгляд Варвары в окне кухни. Её плечи мелко тряслись, хотя лицо оставалось серьёзным.

— Это она, — шепнул Северов Волкову. — спрятала и проверяет, как я отреагирую.

— Это хорошая примета, — отозвался Волков, укладывая блокнот. — Значит, ты ей интересен. Пошли, нас Фрол ждёт.

Три тени скользнули на север по узкой тропе. Тайга приняла их привычно — Морозной тишиной.

Глава 5

Дорога к Фролу Кузьмичу ввела туда, где тайга переставала быть просто лесом, превращаясь в древнее, суровое божество. Тропа шла вдоль реки: сначала по открытому, продуваемому ветром берегу, а когда упёрлась в отвесную скалу, нырнула в глухую чащу. Варвара шла впереди, считывая едва заметные знаки: примятый под снегом мох, надломленную ветку, особый наклон кедровых лап.

Мороз с ночи окреп. Воздух стал сухим и ломким, словно тонкое стекло. Дыхание мгновенно оседало инеем на воротниках, а деревья вдоль берега застыли, осыпанные серебряной пылью, будто погруженные в ледяной сон.

— Далеко же он забрался, — негромко заметил Северов, чувствуя, как холод пробирается под полушубок.

— На то и расчёт, — отозвалась Варвара, не оборачиваясь. — Людей он не жалует. Говорят, раньше совсем другим был — весёлым, да озорным. А потом в нём что-то перегорело. Вернулся со службы — и как отрезало.

Тропа круто пошла вверх. Здесь стояла такая тишина, что было слышно, как под собственной тяжестью оседает снег на ветвях. Кедровые лапы в три объёма плотно закрывали небо, и в этом вечном сумраке Северов чувствовал себя чужаком, случайно зашедшим в неведомый храм.

— Варвара, — спросил он, когда они выбрались на гребень, — а он тебя не прогонит?

— Меня — нет. Он помнит меня ещё девчонкой, когда я таскала ему порох из отцовской лавки. — Она обернулась, и её глаза на морозе казались ярче обычного. — Он груб, Артём. Но зла в нём нет. Просто он видит в людях то, что они сами от себя прячут.

Зимовьё Фрола примостилось на самом краю обрыва, там, где Тунгуска с яростью разбивалась о скалы, делая крутой поворот. Северов оценил позицию сразу — по-военному, чётко и без лишних эмоций: обзор на версту в обе стороны, подойти незамеченным невозможно. Идеальная оборонительная точка.

Первым их встретил пёс. Огромный серый кобель с рыжиной на груди вышел из-за угла беззвучно. Он сел в трёх метрах и уставился на пришельцев жёлтыми, почеловечески пронизательными глазами, словно взвешивал их души на невидимых весах.

— Буян, свои, — негромко бросила Варвара.

Пёс подошёл, обстоятельно обнюхал каждого и, признав право на присутствие, ткнулся холодным носом в ладонь Волкова. Затем, так же молча, вернулся на пост.

Дверь зимовья отворилась сама. В проёме возник Фрол Кузьмич. Он полностью оправдывал своё прозвище: борода, волосы и густые брови были того особого сивого цвета, что напоминает пепел остывшего костра.

— Варька, — голос старика скрипнул, как несмазанная петля. — Выросла, девка. Кого привела?

— Людей хороших, Фрол Кузьмич.

— Это ты так думаешь. А я вижу — не здешние они. Со всем не здешние.

Он долго вглядывался в лица Северова и Волкова, а потом коротко кивнул на дверь:

— Заходите. Снег к вечеру пойдёт. Надо успеть ещё и чаю выпить прежде чем назад пойдёте.

Внутри царил идеальный, почти казарменный порядок. Выскобленный до белизны стол, полка с потрёпанными книгами — Библия, история, военные уставы. У стены — оружие: берданка и старая казачья шашка в ножнах. Всё вычищено смазано и готово к бою.

Фрол поставил на стол чугунок с кашей, налил чаю в глиняные кружки, и сел напротив, сложив тяжёлые, узловатые руки.

— Говорите, зачем пришли, — велел он. — Не за кашей же в такую даль тащились.

Волков поймал взгляд Северова, получил едва заметный кивок и начал:

— Нам нужно узнать про Кряжа. Всё. Как устроена база, сколько людей, где дозоры. Короче всё.

Тишина в избе стала густой. Фрол долго молчал, глядя в окно на свинцовую реку.

— Зачем вам Кряж? — спросил он наконец. — Вы здесь

чужие.

— Уже — нет, — отрезал Северов. — Мы здесь живём. А значит, здешняя беда — наша.

Старик прищурился.

— Ты воевал, — констатировал он, глядя на Артёма — И ты тоже, обернулся к Волкову. — Вижу по тому, как сидите. И по тому, как за угол заглядываете, прежде чем войти. Откуда вы — не спрашиваю, но Кряж для вас — это работа, так?

— Так, — подтвердил Волков.

Фрол тяжело вздохнул.

— Кряж... Тимофей Кряжев. Был фельдфебелем в линейном батальоне. Хороший служака, пока его не послали бунт в Иркутской губернии усмирять. Мужики за своё стояли, справедливости искали. Кряжев не посмел ослушаться приказа, выполнил. Восемнадцать человек полегло. Бабы были, дети...

Старик замолчал. В наступившей тишине было слышно, как во сне подёргивает лапой Буян.

— После этого он сломался, — Фрол покачал головой. — Ударил командира, суд, каторга... Бежал с человеком по имени Силком. Восемь лет они вместе. Кряж — человек умный и жёсткий. Свою банду он превратил не в шайку, а в настоящий отряд. Дисциплина строгая.

— Где база? — спросил Северов.

— Мёртвый порог. Скала, порог, болото. Природная кре-

пость.

Фрол достал из-за пазухи кожаный лоскут — карту, выжженную с поразительной тщательностью.

— Вот здесь, на западном выступе, старая тропа, — он ткнул пальцем в кожу. — Заросла давно, никто о ней не знает. Выводит прямо к скале, в «слепую зону». Дозорный там к рассвету промерзает до костей и уходит греться к огню минут на двадцать. Это ваше окно.

Он свернул карту и протянул Волкову:

— Возьмите. Мне она больше не нужна, я эти места и без карты наизусть знаю. И вот что... Когда пойдёте — возьмите меня. У меня с Тимофеем разговор не закончен.

— Он станет вас слушать? — с сомнением спросил Волков.

— Не знаю. Но я — единственный, кому он не будет стрелять в спину.

На обратном пути через Нижний Камень они проходили мимо крайней избы. Из-за стены доносились чистые, звонкие детские голоса. Волков внезапно остановился.

— Пётр, ты чего? — обернулся Северов.

— Тише...

Дверь отворилась, и на крыльцо вышла Надежда Павловна. В этом месте она выглядела инородно: городское пальто, умный взгляд, стопка тетрадей в руках. Но в том, как она смотрела на детей, чувствовалась такая спокойная сила, что Волков невольно задержал дыхание.

— Здравствуйте, — сказала она, заметив путников. — Учёный из Петербурга? Всё-таки пришли.

— Волков. Пётр, — он чуть замялся, что было для него редкостью. — Задержались мы.

— Честный ответ, — Надежда Павловна едва заметно улыбнулась. — Если захотите поговорить — заходите вечером. Я здесь тоже не совсем местная.

Когда они отошли на приличное расстояние, Северов не выдержал:

— Хватит таращиться, Пётр. Она же не хрустальная.

— Я не таращусь, — сухо ответил тот, но карту в руках сжал чуть сильнее, чем следовало.

Тем же вечером в черкасовской избе Северов чинил узду, а Варвара сидела рядом с кружкой чая.

— Фрол тебя одобрил, — сказала она негромко. — Говорит, самое важное в человеке не слова, а то, как он молчит.

— Я всю жизнь среди таких людей прожил, — ответил Северов, не поднимая глаз от ремня. — Которым можно доверить спину.

— Это страшно — доверять спину, — Варвара посмотрела на него так, будто пыталась заглянуть в самое прошлое.

— Нет. Страшно — когда некому.

За окном выла метель, замечая следы, но ни Северов, ни Волков не сомневались: тайга умела ждать. Она замерла в белом безмолвии, лишь изредка вздыхая ветром в верхушках кедров. Но это было лишь затишье. Старые души в мо-

лодых телах уже точили клинки, готовясь к схватке с тем, кто давно вытравил из себя остатки совести.

Глава 6

Зима пришла в ноябре — не вкрадчиво, а сразу, за одну ночь, как приходит окончательное решение, которое долго откладывали. Утром мороз перевалил за двадцать градусов. Река встала, скованная ледяным панцирем, а тайга укрылась снегом так основательно, словно легла спать до апреля и не желала, чтобы её тревожили.

Деревня притихла и словно уплотнилась. Жизнь переместилась из открытых дворов в натопленные избы. Дни стали короткими, как вздох: между рассветом и закатом помещалось ровно столько времени, сколько требовалось для самого необходимого. Разговоры стали скупыми, движения — экономными. В морозном воздухе то и дело «стреляли» брёвна в стенах — резкий звук, похожий на далёкий выстрел. Тайга учила людей беречь тепло и слова.

Артём Северов привыкал к этому ритму не умом, а телом. Его тело принимало холод не как врага, а как естественную данность. Работа с топором стала утренней молитвой. Инструмент в руках с каждым днём слушался увереннее, и Пётр Игнатьич теперь смотрел на него без прежнего удивления — не как на соседа, а с тем скупым мужским уважением, которое не требует лишних слов. Северов чувствовал: за три недели он начал понимать беззвучный язык Сибири, почти забытый им в суеде своего века.

Пётр Волков пришёл к Надежде Павловне на четвёртый день после их встречи. Он медлил, убеждая себя, что есть дела важнее — план борьбы с Кряжем, изучение карт Фрола. Но, поколебавшись ещё немного, всё же сунул блокнот в карман и отправился к дому, где находилась школа.

Надежда Павловна открыла дверь сразу, словно ждала. Её горница при школе была маленькой, но удивительно обжитой: стопки тетрадей, раскрытая книга на столе, географическая карта на стене. Особое внимание Волкова привлёк рисунок углём над окном — берёзка в снегу.

— Вы не учёный, — сказала она прямо, когда они сели за стол. — Учёные смотрят на местность. А вы — на выходы. Когда вошли, первым делом оценили окно и дверь. Это привычка другого рода.

Волков признал её наблюдательность. Они говорили долго: о книгах, о её ученике Мишке, который жадно тянулся к грамоте, о том, почему она променяла Томск на эту глушь.

— Мне нужно видеть, как человек открывает что-то впервые, — объяснила она.

— Это не про детей, — заметил Волков. — Это про вас. Вы не любите, когда всё известно заранее.

Уходя, Волков чувствовал редкое ощущение: его увидели. Не как офицера или аналитика, а как человека. Это новое чувство он нёс осторожно, как несут хрупкое стекло по скользкому льду.

Пока Волков вёл свои беседы, в деревню пришла беда.

Матрёна ворвалась к Черкасову, едва переводя дух: её шестилетний Ванятка слёг с высокой температурой. Северов осмотрел мальчика: тот горел, дышал часто и поверхностно — гнойная ангина.

В его прежнем мире такое лечилось антибиотиками. Здесь оставались только травы, мёд, тепло — и уверенность того, кто знает, что делает.

— Травы! Шалфей, календулу, малину! И мёд — живо! — скомандовал он Варваре.

Больше часа он не отходил от постели: полоскания, компрессы, горячее питьё. Варвара принесла бабушкино средство — горшочек с мазью из нутряного жира и еловой смолы.

— Ты умеешь лечить, — сказала она позже, когда они вышли в холодные сени. Пар от их дыхания смешивался в морозном воздухе. — Ты точно знал, что делать.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде читалось нечто большее, чем благодарность:

— Ты хороший человек, Артём. Я рада, что вы здесь. Оба. Вечером у Черкасова собрались пятеро. За столом, под негромкий голос Надежды Павловны, говорившей о школе, своих учениках и о том, что не хватает тетрадей, пили брусничную наливку, закусывая мясным пирогом и соленьями. Северов, сидя рядом с Варварой, ловил себя на мысли, что никогда прежде не чувствовал себя таким живым.

— Я хочу сказать... — тихо произнёс он, помогая ей убирать со стола. — Не знаю, сколько мне отмерено здесь, но

пока я рядом — я хочу, чтобы ты была со мной, ты мне очень нужна.

Варвара промолчала, но на секунду накрыла его ладонь своей.

А в это время на взгорке за крайней избой, в тени вековых кедров, замер Кряж. Он не сводил глаз с окон черкасовской избы, где за стёклами мелькали силуэты Северова и Волкова. Он уже видел их раньше — в деревне, когда они проходили по улице или стояли у поленницы. С расстояния в сотню шагов для любого другого — просто двое чужаков. Но для бывшего унтера их выправка, скупая точность движений и привычка оглядываться говорили яснее любых слов. «Военные, — подумал он с глухой яростью. — Профессионалы».

Восемь лет в тайге научили Кряжа главному: быть невидимым. Он умел наблюдать так, что его не замечали даже опытные охотники. Поэтому ни Волков, ни Северов до сих пор не чувствовали на себе его взгляда.

Неизвестность раздражала, лишая привычного контроля. Кряж не просто наблюдал — он впитывал ритм их жизни: время, когда гаснут огни, привычку выходить во двор. Пальцы нащупали рукоять револьвера под тулупом. Тихий набег за провизией отменялся. Теперь это была разведка перед боем. Он развернулся и бесшумно растворился в тайге, но холодное предчувствие уже вгрызлось в душу. Кряж понял: убрать таких будет непросто, с ними надо воевать, и для этого потребуется каждый человек из его банды. Он шёл как

матёрый зверь, прикидывая в уме заряды, ружья, позиции стрелков. Он готов был превратить эту зимнюю тишину в личную войну.

Глава 7

Ванятка поправился удивительно быстро, как это бывает только с крепкими деревенскими детьми. Когда утром Северов заглянул в избу Матрёны, мальчик уже сидел на полатах, с сосредоточенным видом уплетая кашу. Жар отступил, оставив лишь лёгкую бледность, а горло, которое Северов осмотрел со всей строгостью, почти пришло в норму.

— Ещё два дня избы не покидать, — распорядился Артём, и в его голосе прорезались привычные командирские нотки. — Никакой улицы. Пить только горячее.

— Скучно дома-то, — вздохнул Ванятка, но под строгим взглядом матери немедленно вернулся к каше.

Матрёна проводила Артёма до крыльца. На морозе она внезапно коснулась его руки — её ладони, натруженные и горячие, крепко сжали его пальцы.

— Спасибо тебе, Артём, — тихо сказала она. — Ты добрый человек, хоть и прячешь это за суровостью.

Северов лишь неопределённо кивнул и зашагал по скрипучему снегу в сторону зимовья. Слова Матрёны зацепили его: он привык прятать чувства — за годы службы это стало не просто защитой, а второй кожей. В его мире открытость была уязвимостью, а уязвимость — риском. Но здесь, среди вековой тайги, всё казалось прозрачным, как лёд на Тунгус-

ке.

В зимовье Волков снова склонился над кожаной картой Фрола.

— Ванятка в строю, — сообщил Северов, присаживаясь к столу. — Теперь я у местных в чине официального знахаря.

— Репутация — ценный ресурс, принимай как данность, — Волков даже не поднял головы, ведя пальцем по выжженным линиям. — Смотри, Артём. На западной тропе сопка слишком крутая, с грузом застрянем. Но есть изгиб ниже по течению — там пережат. Зимой вода уйдёт, будет не глубже колена.

— В ледяную-то воду? — прикинул Северов.

— Неприятно, зато Кряж там дозоров не держит. Никто в здравом уме в такой мороз туда не полезет.

— Значит, полезем мы, — отрезал Артём.

Разведчик от Кряжа появился около полудня. Северов заметил его у колодца: мужик в потрёпанном полушубке вошёл с воротом, но делал это как-то неловко, слишком часто оглядываясь по сторонам. Он изучал дворы, постройки и людей с той методичностью, которая не свойственна простому охотнику.

Волков, выглянув в окно, подтвердил подозрения:

— Кряжов человек. Осанка выдаёт, да и в плече что-то — либо старое ранение, либо привычка носить тяжёлое. Пришлал проверить, кто мы такие.

Вместо того чтобы прогнать чужака, Волков решил устро-

ить «спектакль». Они вышли вдвоём, неторопливо, как люди, занятые важным делом. Северов нёс узду, Волков — блокнот. У колодца они остановились как бы невзначай.

— Откуда путь держишь? — буднично спросил Северов. Мужик буркнул, не поднимая глаз:

— С верховьев. Соболя нет, к острогу подаюсь.

— Разумно, — подхватил Волков, демонстративно раскрывая блокнот. — Мы тоже скоро к Подкаменной двинемся. Там военная партия стоит, топографы Генштаба край описывают. Буду с ними карту заканчивать.

Ложь была выверена до мелочей: упоминание Генштаба должно было заставить Кряжа занервничать. Разведчик слушал молча, лицо его оставалось каменным, но Волков видел, как тот жадно ловит каждое слово. Вскоре «охотник» подхватил ружьё и зашагал в сторону леса.

— Понёс новость, — подытожил Северов.

— Пусть ждёт топографов, — усмехнулся Волков. — Это даст нам пару дней форы, пока он будет проверять легенду.

Днём Северова настигла Пелагея. Она подошла со своей обманчивой старушечьей неспешностью и сразу взяла быка за рога:

— Слыхал, внучка моя приехала? — прищурилась она. — Хорошая девка, тихая, работающая. Помнишь, что я тебе сказывала?

Северов замялся, чувствуя себя нашкодившим курсантом перед генералом.

— Пелагея Никитична, у меня... обстоятельства сложные.

— Обстоятельства всегда сложные, пока их не решишь, — отрезала старуха. — Знаю я твои обстоятельства — у Черкасова вечерами пропадаешь. Варька — девка справная, но твоя ли она — ещё бабушка надвое сказала. Приходи знакомиться, не убудет.

Артём пообещал зайти, лишь бы закончить разговор. Обернувшись, он увидел Варвару: она стояла у угла избы с вёдрами и, судя по лицу, слышала всё.

— Слышала? — прямо спросил он.

— Слышала, — она не отвела взгляда. — Пелагея добрая, внучка у неё и правда хорошая.

— Варвара, не надо так.

— Как — так?

— Ты знаешь. Я не ведаю, что будет завтра, но сейчас мне понятно только одно — ты.

Варвара замерла. Взгляд её потеплел, но она лишь крепче перехватила дужки вёдер.

— Тогда зачем к внучке идти обещал? — в её голосе проскользнула ревность, которую она так тщательно скрывала. — Иди уж, познакомься.

Она быстро ушла. Северов смотрел ей вслед, с грустной улыбкой понимая: женщины не меняются веками.

Волков тем временем снова был у Надежды. В её маленькой горнице горели две свечи, на столе лежала тетрадь, исписанная мелким почерком.

— Письма? — спросил он.

— И письма, и просто... мысли, — призналась она. — Глупо для взрослой женщины вести дневник, как гимназистка.

— Это не глупо, это честно. Дисциплина для ума.

Они долго говорили о тишине и одиночестве. Волков впервые в жизни облёк в слова то, что знал всегда: аналитическая работа превращает человека в стороннего наблюдателя, который постепенно забывает, каково это — быть внутри самой жизни.

— Это одиноко, — тихо отозвалась Надежда.

— Да. Одиноко.

В этом признании оказалось больше близости, чем в любом физическом жесте. Когда он уходил, она вышла на крыльцо, накинув поверх платья лишь тяжёлый тулуп. Мороз обжигал, но Надежда сделала шаг навстречу и быстро, почти невесомо коснулась губами его щеки.

— Осторожно там, Пётр, — прошептала она.

Волков шёл по тёмной деревне, и впервые за десятилетия ему было по-настоящему тепло.

Мирную тишину ночи нарушил Буян: пёс гавкнул на подходящего Волкова по-особенному, признав своего. Следом в избу вошёл Фрол Кузьмич, тяжело опустился на лавку и сразу перешёл к делу:

— Новости плохие. Кряж собирает людей. Хочет ударить всеми силами, чтобы показать, кто здесь хозяин. И ещё — он отправил человека в острог. Вынюхивает у пристава, нет

ли на вас двоих запроса. Если поймёт, что за вами никого нет — придёт не мешкая.

— Мы должны быть в остроге раньше его человека, — Волков уже натягивал куртку. — Если пристав скажет ему, что мы — никто, Кряж ударит без раздумий. Если услышит про экспедицию и Генштаб — замешкается. Нам нужно это замешательство.

— Его человек с утра ушёл, да пеше, окольными тропами, — сказал Фрол. — На добрых конях обгоните. Лошади у Черкасова есть, день пути.

Северов поднялся, проверяя нож. Он понимал: если Кряж опередит их, пострадают все — Матрёна, Ванятка, Фрол... и Варвара.

— Разбудим Черкасова сейчас, — бросил он.

Дорога к дому Черкасова заняла считанные минуты. Северов постучал в окно. Дверь открыла Варвара с лучиной в руке — сонная, встревоженная.

— Что случилось?

— Нам нужно уехать. В острог, к приставу. Из-за Кряжа.

Она поняла всё мгновенно. Огонёк лучины дрогнул, отразившись в её глазах.

— Осторожно там, Артём, — тихо сказала она. В этом коротком напутствии было всё, что она не решилась произнести днём.

— Не беспокойся, всё будет хорошо, — ответил он. В темноте ночи этот короткий диалог прозвучал как самая важная

присяга в его жизни.

Глава 8

Черкасов помог без лишних слов. Вышел во двор, набросив тулуп прямо на рубаху, выслушал краткий пересказ дела и молча кивнул. Через четверть часа у ворот уже переминались кони — мохнатые, крепкие сибирские «работяги», привычные к лютым морозам.

— Буланого береги, — напутствовал Черкасов, передавая поводья Волкову. — Умный, но своенравный. Не тяни зря — сам дорогу выберет. А Гнедая под Артёмом — та попроще, покладистая.

Фёдор Силантыч замолчал, глядя куда-то в сторону, а затем добавил веско:

— В остроге найдите пристава Прокопия Семёновича Тягунова. Скажите — от меня. Я ему должен был, он знает. Теперь он мне будет должен. Такие вот дела.

Северов уже сидел в седле, когда на крыльце появилась Варвара. Она стояла кутаясь в добротный тулуп.

. В синем предрассветном свете её взгляд казался особенно прямым и неподвижным. Артём смотрел на неё сверху вниз, чувствуя, как этот образ — она на крыльце, морозный пар, холодные звёзды над сопками — впечатывается в память, чтобы согреть его в пути.

— Возвращайся, — тихо сказала она. В этом слове не было ни мольбы, ни сомнения — только чувство заставляющее

сердце биться сильнее.

— Обязательно вернусь, — ответил он, и кони тронулись.

Первый час ехали молча. Мороз крепчал, перевалив за двадцать пять. Дыхание людей и коней мгновенно превращалось в густые облака пара, а плечи полушубков подёрнулись инеем. Северов чувствовал странный диссонанс: его пятидесятивосьмилетняя память твердила, что верховая езда — дело изнурительное, но молодое двадцатидвухлетнее тело держалось в седле уверенно, легко ловя баланс и не зная усталости.

— Тягунов, — подал голос Волков, когда дорога расширилась. — Как думаешь, что за человек?

— Не знаю. Черкасов за него ручается, но долг и честность — вещи разные, — отозвался Северов.

— Именно. Пристав в таких местах — маленький царь. Нам нужно предложить ему не просьбу, а выгоду. Точные данные, маршруты, слабые места.

Когда холод начал пробираться до костей — не по-морскому, как на Тихом океане, а медленно и неотвратимо, по-сибирски, — они сделали привал. Разожгли костёр, пили чай из одной кружки на двоих.

— Ты понимаешь, что мы делаем? — спросил Северов, глядя на напарника. — Вместо того чтобы искать путь назад, мы впряглись спасти деревню в девятнадцатом веке.

— Я думал об этом, — ответил Волков, не отрывая взгляда от огня. — Мы не знаем, как попали сюда и есть ли дорога

обратно. Но пока мы ждём — с Черкасовым, с Матрёной, с Ванятой происходит беда. Мне всё равно, какой это век. Но не всё равно, что происходит.

Северов молча кивнул. Он и сам это понимал, просто Волков умел формулировать мысли лучше и чётче.

К Нижнеангарскому острогу подъехали в полдень. После глухих деревень он казался почти городом: частокол, церковь, торговые избы и густой запах жилья. Над крыльцом казённого дома вяло колыхался выцветший российский триколор. Флаг был тот же, что и в их времени, но здесь, в этой глуши, он выглядел чужеродно, заставив Северова на секунду замереть.

Прокопий Семёнович Тягунов встретил их в кабинете, заваленном бумагами. Человек с усталым, умным лицом, он сидел в расстёгнутом кителе и домашних тапках. Тягунов предпочитал правду лжи не из высоких побуждений, а из того что: ложь требует слишком много памяти.

Волков говорил двадцать минут, чётко выкладывая данные Фрола: база у Мёртвого порога, девять бойцов, маршруты, западная тропа. Тягунов слушал молча, мерно барабанил пальцами по столешнице.

— Три года Кряж пьёт из нас кровь. Я потерял четверых казаков, — наконец произнёс он. — Писал в губернию — тишина. Почему я должен верить вам?

— Потому что у вас нет выбора, — отрезал Северов. — Через неделю он сам придёт в эти деревни. Можете не ве-

ритель, но вот тогда и узнаете, правы ли мы были.

Тягунов не много помолчав кивнул. Он согласился выделить пятерых боевых казаков — лучших стрелков. Сам он должен был оставаться в остроге: не положено приставу бросать пост, пока служба держится на нём. Условие было одно. Кряжа взять живым для публичного суда. «Закон должен работать», — твёрдо сказал он обращаясь к своим казакам. И добавил, указав взглядом на Северова: — В бою слушайте пришедших. Они знают врага.

Ночь на постоялом дворе стала первой, проведённой на настоящих кроватях. Северов уснул мгновенно, а Волков долго лежал, глядя в потолок и вспоминая слова Надежды Павловны: «Можно бояться и всё равно делать».

Утро принесло неожиданность. В сенях они чуть не столкнулись с мужиком, который, судя за заиндевевавшему тулупу и загнанному коню, гнал всю ночь из верховьев. Волков и Северов успели спрятаться в каморке у Тягунова, прислушиваясь к разговору за дверью.

«Охотник Лукьян Семёнов» пришёл донести приставу на «двух подозрительных военных», которые «мутят воду» в Нижнем Камне. Тягунов выслушал доносчика и ровно произнёс:

— Я тебя знаю, Лукьян. Ты у меня в бумагах числишься как беглый с Александровского централа, и скамандовал находившимся у дверей кабинета двум казакам - Взять под стражу!

Кряж совершил ошибку, отправив разведчика, который сам был в розыске. Теперь у бандитов не было информации, а у отряда появилось преимущество — внезапность. Решили выступать не завтра, а через два часа.

У коновязи к Северову подошёл ротмистр в отставке Загряжский — пожилой человек с идеально прямой спиной.

— Я слышал разговор. Возьмите меня, — предложил он. — Три года я смотрел, как Кряж бесчинствует, и не видел выхода. Теперь вы появились. Один в поле не воин, но арифметика изменилась.

Волков оценил «арифметику»: восемь против девяти — куда лучше, чем семь против девяти. Кавалерист был принят.

Выехали в полдень. Восемь всадников — пятеро казаков, Загряжский и двое пришлых из будущего — поднимались вверх по реке. Загряжский поравнялся с Северовым.

— Кто то ждёт дома? — негромко спросил ротмистр.

— Женщина, — ответил Артём. — Когда мы уезжали, она просто стояла на крыльце и смотрела вслед.

— Это хорошо, — серьёзно отозвался старый офицер. — Когда женщина провожает молча, глядя вслед, — это важнее, чем показные слёзы и взмахи платком. Это значит — она ждёт и верит.

Они двигались сквозь плотную, непроглядную тайгу — крошечные, живые точки в огромном, равнодушном лесу. Впереди ждал Мёртвый порог, и каждый вёз в седле не толь-

ко верное ружьё, но и свою, выстраданную правду.

Глава 9

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вернулись на третий день.

Деревня увидела их издали — цепочку тёмных силуэтов на ослепительно белом льду реки. Они шли рысью в облаке густого морозного пара, который поднимался от разгорячённых лошадей и людей. Кони, почуяв близость конюшни, корм и тепло, торопились с тем спокойным, деловым нетерпением, которое бывает у животных в конце долгого пути.

Пётр Игнатьич выглянул из-за ворот, прищурился на низкое зимнее солнце и скупно кивнул самому себе — живые, значит, порядок. Варвара вышла на крыльцо, кутаясь в тулуп накинув на голову пуховый платок, и стояла неподвижно, пока не высмотрела среди всадников две фигуры, которых ждала.

Она вышла из ворот черкасовского двора и двинулась навстречу. Она не бежала — шла своим обычным, прямым и быстрым шагом. Тулуп распахнулся, а платок чуть сбилсся на сторону, она казалась частью этого сурового пейзажа.

Северов увидел её ещё с реки. Сердце, отвыкшее от таких ритмов за годы одиночества, толкнулось в рёбра.

— Не смотри так, — негромко бросил Волков, не поворачивая головы.

— Как — так?

— Как человек, у которого всё написано на лице. У тебя там сейчас целая повесть, Артём. С предисловием, послесловием и обширными примечаниями.

Северов хотел огрызнуться, но Варвара уже была рядом. Буланый под Волковым переступил, кося глазом на знакомый запах. Варвара протянула руку, и конь доверчиво потянулся губами к её ладони.

— Вернулись, — сказала она. Это не был вопрос, скорее констатация факта, в котором она и не смела сомневаться.

— Вернулись, — подтвердил Северов, глядя на неё сверху вниз. — Как и обещали.

Она кивнула, быстро поправила платок и отвела взгляд, пряча вспыхнувшее в глубине глаз облегчение.

— Идите в дом. Батя ждёт, стол уже накрыт.

Загрязского и казаков распределили по избам — дом Черкасова не казарма, на всех места просто не хватило бы. Ротмистр встал на постой к Игнатьичу, казаков приняли три других двора находившимся рядом с друг другом. К вечеру деревня жила уже в привычном ритме: коней определили в конюшни и обиходили, оружие было под рукой, казаки, как положено служивым, лишнего шума не разводили.

В горнице Черкасов слушал молча. Он обладал редким даром — слушать так, что рассказчику хотелось говорить только самое важное.

Рассказывал Волков — чётко, как на докладе в штабе. Становой пристав Тягунов Прокопий Семёнович оказался

не типичным чиновником, а бывшим военным, выслужившимся из унтеров. Маленький, сухой, с глазами-свёрлами, он сразу принял «черкасовских людей».

— Команду из Иркутска он запросил, — говорил Волков — двадцать солдат и офицер. Но они будут здесь не раньше чем через месяц. Кряж столько ждать не станет.

— Не станет, — эхом отозвался Черкасов.

— Зато у нас есть теперь вот это. - Предписание. Мы с Артёмом официально назначены помощниками пристава в деле поимки Кряжева. Любые наши действия теперь — это действия власти.

Черкасов взял лист, перечитал его дважды.

— Храни это пуще глаза, Пётр Михайлович. Это теперь ваша страховка от урядника и ваша жизнь.

Когда хозяин вышел, Волков наклонился к Северову.

— Есть ещё кое-что. Тягунов показал мне личное дело Кряжа. С ним восемь лет назад с каторги бежал один человек — Силков Андрей Прокофьевич. Силком. Он для Кряжа — единственный, кому тот хоть немного верит.

— Силком... — Северов вспомнил перекошенное лицо рыжебородого бандита в Верхнем Камне.

— Именно. Мы напугали не просто рядового бойца, Артём. Мы сломали «правую руку» Кряжа. Это задело его лично. Кряж теперь не просто планирует набег — он злится. А злой и умный враг вдвойне опасен. Он может придти раньше, чем мы ждём.

Совет собрали на следующее утро. В избе Черкасова было тесно от мужских плеч и запаха табака. Пришли мужики из Верхнего Камня — угрюмый Степан Горбатов, Митрий Скоков и ещё двое товарищей, готовые на всё ради мести за свои избы. Пётр Игнатьич сидел на лавке, положив тяжёлые ладони на колени. Фрол Кузьмич стоял у двери, за его спиной неподвижным изваянием замер Буян.

Волков разложил карту.

— Оборона — это проигрыш, — отрезал он. — В деревне дети и женщины, пути отхода перекрыты снегом. Если будем ждать здесь — он нас выжжет. Единственный шанс — ударить первыми на его территории. К порогу идёт прежний состав: мы, ротмистр, казаки. И Фрол — без него нам к лагерю незаметно не подойти.

— Я проведу, — коротко сказал Фрол. — Дорогу до Мёртвого порога знаю только я. Без меня можете наткнуться на дозоры.

Степан Горбатов подался вперёд:

— Возьмите нас. Ружья есть, глаз верный. Только скажите когда.

— Нет, — Северов встретил его взгляд. — Вы остаётесь. Если Кряж разгадает наш план — он может послать нескольких людей в деревню. Женщины и дети — на вас.

Степан потемнел, но кивнул: долг оказался не легче мести.

— Голос Варвары прозвучал спокойно, но так, что Черка-

сов даже не стал спорить. — Я знаю тайгу. Если кто-то из банды обойдёт вас и сунется в деревню — мы их встретим?

— Хорошо, — Северов встретил её взгляд. — Ты здесь за старшую.

Надежда Павловна, земская учительница, тоже подняла голову: «Здесь мои дети. И я буду делать всё что в моих силах». Волков лишь молча кивнул ей — спорить с этими женщинами было бесполезно.

Вечер перед выходом был пронзительно тихим. Северов нашёл Варвару у берега реки. Она стояла одна, глядя на малиновый закат, отражавшийся на синем льду Тунгуски.

— Когда уходите? — спросила она, не оборачиваясь.

— Ночью. Чтобы к рассвету быть у порога.

— Я там была однажды. Страшное место. Скалы и вечный ветер.

Она повернулась к нему. В свете угасающего дня её лицо казалось высеченным из камня, но в глазах жила тревога, которую она не могла скрыть.

— Я не умею говорить красиво, Артём, — начала она тихо. — Скажу, как умею. Ты мне важен. Очень. Я не знаю, откуда ты и почему здесь, но без тебя... мир станет другим. И я хочу, чтобы ты это знал.

Северов шагнул к ней. Он хотел сказать про будущее, про то, как они построят дом, но слова застряли в горле.

— Я знаю, — ответил он, прижимая её руку к своей груди. — И ты мне очень важна.

— Возвращайся, — попросила она, и это было сильнее любой клятвы. — Только ты обещаешь.

— Вернусь.

В это же время в маленькой горнице при школе Волков сидел напротив Надежды Павловны. Свеча горела ровно.

— Вы боитесь, Пётр? — спросила она.

— Боюсь ошибиться в плане. Пострадают люди, которые мне поверили. Это хуже смерти.

Надежда встала, подошла к нему. Она не стала его утешать — просто положила руку на плечо.

— Вы вернётесь. Потому что люди, которые так нужны другим, не уходят просто так. Это не логика, Пётр. Это истина.

Когда он поднялся и собрался уходить, она вдруг встала на цыпочки и коротко, но по-настоящему прижалась губами к его губам.

— Вернитесь, Пётр, — прошептала она. — Я буду ждать.

За окном трещал мороз. Волков стоял неподвижно ещё минуту после того, как закрылась дверь, запоминая этот миг. Впереди были порог и, возможно, смерть — но теперь он знал точно, ради чего он идёт на это.

Выехали перед рассветом. Девять всадников — двое пришлых из будущего, ротмистр Загряжский, пятеро казаков Тягунова, старый казак Фрол — и верный пёс Буян. Добровольцы остались в деревне под началом Варвары: если банда обойдёт отряд, деревня не останется беззащитной.

Черкасов провожал до ворот. Напоследок он крепко сжал руку Северова:

Ну Артём, удачи вам!

Спасибо Фёдор Силантыч, она нам не помешает!

Северов обернулся в последний раз. Варвара стояла на крыльце — прямая, твёрдая, её платок белел в в предрасветных сумерках. Она не махала рукой. Она просто смотрела, и этот взгляд согревал ему спину, пока деревня не скрылась за вековыми кедрами.

Тайга приняла их молча. Впереди был Мёртвый порог и бой, который должен был всё решить.

Глава 10

Варвара провожала их взглядом до тех пор, пока последняя тень не растворилась в густых сумерках тайги. Деревня за её спиной продолжала жить своей привычной, шумной жизнью: кричали дети, Пелагея что-то выговаривала соседке, Пётр Игнатьич гремел пешнёй. Но для неё мир сузился до одной точки на опушке, где сомкнулись еловые лапы. Она запрещала себе произносить его имя вслух, но в мыслях оно пульсировало — Артём. Этот странный человек с молодым лицом и глазами древнего старца пугал её и притягивал одновременно своим нездешним знанием и спокойной силой. Она вспомнила, как сказала ему: «Ты мне важен», и как он ответил так просто, будто давно это знал. Теперь ей оставалось только одно — ждать и беречь деревню, проверяя засовы и прислушиваясь к ночному лесу, ведь Кряж мог нанести ответный удар именно сюда.

В это же время в школьной горнице Надежда Павловна прислонилась спиной к двери, слушая, как гулко бьётся сердце. Пётр ушёл. Она зажгла свечу и открыла тетрадь — слова всегда помогали ей выстроить мысли, как учеников перед уроком. «Встреча с умным человеком — это не только радость ума, но и тревожное беспокойство», — записала она. Она вспоминала, как решилась коснуться его губ на проща-

ние и как он тихо, но твёрдо ответил: «Я вернусь». Она знала: Пётр умный, а умные имеют больше шансов вернуться.

Кряж не просто догадывался — он знал, что они придут. Опытный унтер-офицер, он почуял фальшь в легенде об «экспедиции топографов» сразу, как только вернулся его разведчик: слишком гладко, слишком складно, как фальшивая монета, которая блестит, но весит не столько, сколько положено. Он начал готовиться методично, без суеты. На кедровой гриве оставил, как прежде, два открытых поста — приманку для простодушных — а по бокам выставил скрытые засады, чтобы перехватить любого, кто решит обойти «глаза» банды.

Силкому он приказал караулить перекат: «Они придут так, как ты не ждёшь». Сам Кряж не спал, перебирая варианты. Он понимал, что против него работают профессионалы, и его единственным козырем оставался потайной выход в тайгу, который не знал никто. Он уснул лишь на четыре часа — военная привычка спать, пока есть возможность, — и проснулся в третьем часу ночи от тишины, которая показала ему «неправильной».

Северов почувствовал это же на подходе к базе. Фрол, шедший первым, внезапно замер и поднял руку. Буян лежал пластом, прижав уши, — это был знак высшей опасности.

— Дозорного нет на месте, — прошептал старик.

Волков возник рядом бесшумно:

— Кряж знал. Открытые посты на гриве — приманка. На-

стоящие сидят в засадах по бокам. Снимаем скрытых одновременно: ты — левого, я — правого. Сигнал — когда Буян ляжет. На перекат не суйся: там судя по всему - ловушка. Пойдём через болото. Оно не встало, но там, где камыш, — мельче.

Он перевёл взгляд на темневшую вдали гриву:

— Ротмистр с казаками обойдут по западной тропе и к третьему часу выйдут над базой, к скале. Выстрел Фрола — сигнал и для них: Они отсекут отход к зимовьям. Первыми стрелять не будут, в крайнем случае залп над головами. Чем меньше выстрелов — тем больше живых.

Северов полз к левому дозорному четыре бесконечные минуты. На таком морозе каждый сантиметр — борьба: нельзя дышать глубоко, чтобы пар не выдал позицию, нельзя задеть промёрзшую ветку. Когда Буян подал знак, Северов прыгнул с колена, вкладывая в бросок весь вес. Он накрыл дозорного сзади, одной рукой прижав ружьё, другой зажимая рот.

— Тихо. Живой останешься, если не дёрнешься, — выдохнул он в ухо парню.

Тот обмяк. Руки Северова привычно затянули узел прочным кожаным ремнём на запястьях и лодыжках пленного. В темноте мелькнул кулак Волкова: правый сектор чист.

Грянул выстрел Фрола — одиночный, в воздух, как договаривались: отвести внимание от переката и подать знак ротмистру. Дозорный на перекате обернулся на звук — и в

этот момент группа вошла в болото. Северов провалился по колено в ледяную кашу, которая не держала и не отпускала. Двадцать метров камыша казались двадцатью годами жизни; холод поднимался к бёдрам, вытесняя страх тупой болью. Когда они выбрались на твёрдый берег — мокрые, злые, но живые, — база в ста метрах от них «взорвалась» движением.

Кряж поднял людей голосом, без лишнего шума. Он усмехнулся с горьким уважением, когда понял, что враг вышел со стороны незамёрзшего болота. Нападавшие вышли в двадцати метрах от края базы. Северов вылетел первым, считая тени: шесть человек. Силком, бросивший пережат и примчавшийся на шум, вскинул ружьё и выстрелил — за мгновенье до выстрела Северов инстинктивно, отработанным движеньем ушёл в сторону, пуля прошла рядом.

— Не стрелять! Мы от пристава! Бумага есть! — гаркнул Волков командным голосом, который умел останавливать людей на лету.

Секунда замешательства — и Северов уже сбил Силкома с ног, вырывая ружьё. Волков двигался через двор как привидение: после каждого его точного перемещения человек оказывался либо на снегу, либо с поднятыми руками.

— Ружьё на землю. Живые останетесь, — повторял он. Один попытался ударить ножом, но Волков ушёл влево, перехватил руку, раздался хруст ломаемой кости.

И тут со стороны скалы, откуда их никто не ждал, вышли казаки — Загряжский вывел их по западной тропе точно как

и было договорено. Пять карабинов смотрели бандитам в лицо со стороны зимовьев; двое, тянувшихся к ружьям, замерли и медленно подняли руки. Банда оказалась сжата между двумя силами.

Вскоре всё было кончено. Восемь человек были связаны или обезврежены. Но Кряж исчез.

— Где хозяин? — спросил Северов у спустившегося со скалы Загрязского.

— Ушёл до того, как мы замкнули кольцо, — ротмистр кивнул на нагромождение скал. — Там выход, которого нет ни на одной карте. Старый лис.

Тимофей Аверьянович ушёл в тайгу в самый разгар боя, просчитав окружение за секунды. Он шёл быстро, без фонаря, зная этот лес наизусть. «Уйду, пережду — и снова», — думал он, пока не почувствовал, что за ним следят. Буян нашёл его след молча и теперь сидел в пяти метрах, глядя в упор жёлтыми глазами.

— Буян... предал, значит? — тихо спросил Кряж.

— Буян не предавал, — раздался голос Северова за спиной.

Кряж вскинул берданку, но Северов даже не пошевелился: «Не успеешь. Посмотри влево». В треугольнике, на вершинах которого стояли Северов, Волков и Фрол, Кряж оказался в идеальной ловушке. Профессиональная работа — он признал это мгновенно.

— Положи ружьё, Тимофей Аверьяныч, — сказал Севе-

ров. — Твои люди живы. И это хорошее начало для другой жизни.

Кряж долго смотрел на этого молодого парня с внимательными глазами и понимал: что тот говорит правду. Из тени вышел Фрол: «Я ждал, что ты одумаешься Аверьян. Может ещё не поздно?».

Кряж медленно опустил берданку прикладом в снег.

— Силком жив? — спросил он глухо.

— Жив.

— Хорошо. Он дурак, но свой.

Волков пообещал, что будет ходатайствовать перед приставом, чтобы суд взял во внимание: и про трагедию в Иркутской губернии, и про несправедливость, сломавшую унтера. Кряж посмотрел на него долго и вдруг словно «осел» — тяжесть, которую он нёс годами, наконец отпустила его.

— Устал... — тихо сказал он. — Давно устал. Просто деваться было некуда.

— Теперь есть куда, — отозвался Фрол.

Кряж передал ружьё Северову стволом вниз: «Держи. Хорошее ружьё. Не трать на дрянное дело».

Рассвет над Мёртвым порогом был холодным и чистым. Бандиты сидели у костров — помятые, но без серьёзных ран; казаки хозяйственно оглядывали пленных, подтягивая ремни. Силком поднял голову, когда увидел Кряжа, и тот тихо сказал ему: «Попробуй начать жизнь заново. Мне уже трудно, тебе — ещё можно».

Загряжский, проверив узлы на пленных, негромко сказал Волкову:

— У меня за плечами тридцать лет службы, а такой работы не видавал. Вам бы, господа, в столицу — там бы вам цены не было.

— Наша столица теперь здесь, — усмехнулся Волков.

Фрол сидел с Буяном, глядя на огонь. На вопрос Северова, как он понял, что Кряж сдастся, старик ответил: «Да просто верил. Иногда это работает».

Северов смотрел на живую воду порога среди льдов и думал об одном слове: Домой. Не в Москву, не в своё время, а в ту избу, где его ждала Варвара. Волков присел рядом: «Всё прошло хорошо, Артём».

— Почти всё. Как ты снял правого? — спросил Северов.

— Да он жевал что-то. А когда жуёшь — слух становится хуже.

— Жевал что-то... Серьёзная тактика, — хмыкнул Северов и лёг спиною прямо в снег, глядя в светлеющее небо. Перед глазами стояла Варвара у берега. «Иду домой, Варвара. Иду», — прошептал он.

Порог шумел внизу, вечный и равнодушный. Жизнь продолжалась.

Глава 11

Варвара проснулась в четыре утра. Не от шума и не от холода — просто открыла глаза и уставилась в темный потолок, словно кто-то толкнул её изнутри. В избе стояла густая тишина, лишь за перегородкой ровно дышал отец. Накинув тулуп, Варвара вышла в сени, а оттуда — на крыльцо.

Ночь выдалась лунная, неподвижная, пронзительно холодная. Река за деревьями угадывалась по особому, тяжело-му молчанию: казалось, вода подо льдом затаила дыхание. Варвара смотрела в сторону тайги. Шёл третий день. Фрол обещал: «Три дня туда и обратно, коли всё ладно выйдет». Она запрещала себе думать о том, что будет, если «не выйдет», но ночью дурные мысли сами лезут в голову. Имя «Ар-тём» пульсировало внутри и не давало покоя как ноющая рана: отпустить нельзя, а трогать — больно.

— Не спится? — раздался за спиной голос Пелагеи. Старуха, словно почуяв чужую тревогу, стояла рядом, кутаясь в платок. — Придут. Вот увидишь — придут. Иногда это нужно просто вслух сказать.

Они помолчали, глядя на синие тени, легшие на снег. Затем Пелагея, будто между делом, добавила:

— Внучка-то моя завтра уезжает. В Енисейск, к тётке.

Варвара повернула голову. Пелагея смотрела на луну, ли-

цо её было спокойным, без тени обиды.

— Ты не серчай, что сватала, — проговорила старуха. — Девку пристроить хотела, вот и старалась. А он — он твой. Я ещё тогда, у колодца, заметила, как ты на него глядишь.

— Пелагея Никитична...

— Да ладно, — Пелагея махнула рукой. — Жизнь идёт своим чередом. Иногда выходит так как мы хотим, а иногда и нет. Тебе повезло. Держись за него и дай вам бог.

Она ушла так же тихо, как появилась. Варвара осталась на крыльце. Слово «держись» грело изнутри лучше любого тулупа.

Они показались в полдень. Варвара была у реки, когда на ослепительно белом льду возникла вереница фигур — конные, пешие, целая процессия. Она бросила вёдра и пошла навстречу, замедляясь от волнения, словно в вязком, тягучем сне.

Впереди ехал ротмистр Загрязский в окружении казаков. Варвара считала: один, два... семь... девять. Все девять. Живые. Следом, со связанными руками, брели пленные — Кряж и Силком, а за ними ещё восемь мужиков, понурых, в рваных полушубках. Замыкал процессию Фрол на низкорослой лошадке; он неспешно дымил самокруткой, а у стремени трусил Буян.

Ноги у Варвары вдруг стали ватными.

Она искала глазами и нашла: Артём ехал на Гнедой, чуть наклонившись вправо, будто берег левый бок. Лицо — серое

от усталости, скула разбита, под глазом запёкшаяся ссадина. Гнедая шла осторожно, мелко переступая, словно понимала, что хозяину больно.

Они остановились в пяти шагах. Артём стянул шапку, и Варвара увидела, как он поморщился.

— Ушиб? — спросила она.

— Один из кряжовских успел, — он попытался улыбнуться, но вышло криво. — Я вернулся, Варвара. Как и обещал.

Она подошла ближе и положила ладонь на шею Гнедой — просто чтобы быть рядом. Артём смотрел сверху вниз, и в его глазах было что-то такое, отчего Варваре захотелось сказать что-нибудь едкое, привычное, но вместо этого она прошептала:

— Ты мне снился. У порога.

— И ты мне, — ответил он. — Стоишь у реки, смотришь на лёд.

— Я стояла, — тихо подтвердила Варвара. — Вчера ночью.

Он тяжело соскользнул с седла. Гнедая фыркнула. Они двинулись к дому, и при каждом шаге рукава их тулупов соприкасались — коротко, едва ощутимо.

Надежда Павловна узнала новости от Ванятки. Мальчишка ворвался в класс посреди урока, крича с порога: «Вернулись! Все живые! И Кряжа ведут!» Дети вылетели из кабинета в две секунды, на ходу натягивая шапки и валенки. Надежда медленно опустила мел. Она заставила себя одеваться

не торопясь, хотя пальцы предательски дрожали и не слушались.

Она нашла Петра у Игнатъича. Он сидел за столом с кружкой чая и той же картой, расчерченной карандашом. Увидев её, он поднялся — привычка, которую она сперва принимала за вежливость, а позже поняла: ему так проще, когда не знаешь, куда деть руки.

— Живой, — сказала она вместо приветствия.

— Как видишь, — он чуть улыбнулся. Той редкой, сдержанной улыбкой, которая появлялась нечасто.

Надежда села напротив. Игнатъич деликатно ушел в сени и принялся там нарочито греметь ухватом, чтобы не мешать.

Помолчали. Надежда сняла варезки, положила на стол. Снова взяла. Снова положила.

— Я писала в тетради, пока вас не было, — произнесла она, глядя на свои руки. — Написала одно слово: «Жди». И поняла, что это правда. Что мне есть кого ждать.

Волков обхватил кружку обеими ладонями и невольно сжал её.

— Спасибо тебе, родная, — тихо сказал он. — За все эти годы мне не было так легко и спокойно на душе, как сейчас.

Надежда подняла глаза.

— Я буду стараться, чтобы так было всегда, — сказала она просто. И сама удивилась своей смелости.

Волков смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова.

— Пётр Михайлович, — голос Надежды чуть охрип от

волнения. — Я ведь вас почти не знаю. Три недели всего знакомы. А я сижу тут и жду, как в книжке какой-то.

— Не как в книжке, — ответил он. — В книжках не мёрзнут.

Надежда тихо, устало засмеялась.

— Да. Не мёрзнут.

В сениях Игнатъич с грохотом уронил ухват. Звук был нарочито громким. Они не обернулись, лишь улыбнулись друг другу.

Тягунов прибыл на следующий день, ближе к вечеру. Не один — с двумя конвойными казаками и парой пустых телег для арестованных. Кряжа и Силкома держали под замком в амбаре Черкасова, остальных восьмерых — в сарае у Горбачева.

Пристав тяжело спешился, крикнул, передавая поводья. Волков встретил его у ворот, по привычке вытянувшись во фронт — тело помнило службу лучше головы.

— Ваше благородие, операция завершена. Кряж и Силком взяты живыми, как и условились. Потерь нет, двое легко ушиблены, но в строю.

Тягунов принял рапорт молча. Прищурившись, он разглядывал «учёного» и «охотника», которых видел в остроге всего три дня назад.

— Вы мне тогда ввали, — констатировал он без злости.

— Немного, — признал Волков.

— Ладно. Мне важно дело, а не биография. Про Иркут-

скую губернию и про то, что сломало Кряжа, я запишу. Суд услышит всё. Закон должен работать.

Он произнес это с такой интонацией, будто ставил точку в долгой и утомительной тяжбе.

Казаки повели арестованных к телегам. Кряж шел покорно, глядя прямо перед собой, а Силком всё дергался и оглядывался, словно искал щель, в которую можно юркнуть. Варвара смотрела из окна, как телеги тронулись с места. Кряж не обернулся.

Вечером вся деревня собралась у Черкасова. Не ради праздника — просто была потребность быть вместе, убедиться, что все целы. Ванятка сидел на коленях у Северова, слушая его, открыв рот.

— Дядя Артём, тебе было страшно?

— Было, — честно ответил Артём. — Но я делал то, что должен. Если отступать, когда страшно, ничего хорошего не выйдет.

Ванятка серьезно кивнул, будто запоминая урок.

Когда гости разошлись, Северов остался помочь Варваре убрать со стола. Черкасов ушел в спальню, оставив дверь приоткрытой — намеренно или нет, осталось тайной. В избе горела единственная свеча, и тени метались по стенам.

— Я хочу остаться, Варвара. В деревне. С тобой, — сказал Артём ровно, без нажима. — У меня ничего нет, кроме того, что умею. Решать тебе.

Варвара долго смотрела на него, а потом улыбнулась —

впервые так открыто, без привычной осторожности.

— Хорошо, что ты сказал сейчас, — ответила она. — А то я бы сама спросила.

Артём вышел на крыльцо. Волков уже стоял там, глядя в небо. Оба молчали. Звезды были огромные, близкие, совсем не такие, как в городе.

— Завтра буду говорить с Черкасовым, — сообщил Северов.

— Он согласится, — уверенно сказал Волков. — А я вот думаю попросить разрешения навещать Надежду Павловну. Официально. С благословения батюшки.

— Методично, значит?

— Аналитично, — парировал Волков. Помолчал и добавил: — Слушай, Артём. Мы когда-нибудь поймем, что с нами случилось?

— Не знаю. Но тревоги больше нет. То, что есть — оно здесь. В этой деревне. В этой избе.

— Да, — согласился Волков. — Здесь.

Они пошли спать под тем же небом, которое теперь казалось совсем другим.

Глава 12

ГЛАВА - 12.

Артём Северов проснулся раньше всех. Синие предрасветные сумерки еще плотно занавешивали окна зимовья. Несколько минут он лежал неподвижно, вслушиваясь в мерное дыхание избы: за перегородкой Пётр Игнатьич спал с привычным старческим присвистом, а Волков — почти бесшумно, как и положено человеку с его выучкой. За стенами стояла настоящая сибирская зима — декабрьская, пришедшая всерьез и надолго, превратившая мир в застывшее белое безмолвие.

Северов оделся тихо, стараясь не скрипеть половицами, и вышел на крыльцо. Мороз ударил наотмашь — за сорок, не меньше. Воздух, густой и колючий, перехватил горло, но молодое тело приняло этот холод с радостной готовностью. Дым из труб столбами уходил в светлеющее небо — верный признак полного затишья. Рёбра после недавнего боя у Мёртвого порога всё еще ныли, но Артём знал: это лишь ушиб, через пару дней пройдет.

Сегодня предстоял разговор с Черкасовым. Мысль об этом не пугала, но рождала внутри странное, почти забытое волнение — как перед прыжком в неизвестность, где исход не поддается контролю. Чтобы унять зуд в мышцах, Северов взялся за топор. Тяжелая сталь входила в промерзшие бере-

зовые кряжи с хрустальным звоном; чурки разлетались ровно, и мороз мгновенно высушивал пот на лбу.

Через двор с ведрами на коромысле прошла Варвара. Они переглянулись — коротко, без слов, но в этом взгляде Северов прочел всё, что было нужно. Она молчала так, что в этом молчании веса было больше, чем в любых городских признаниях. Доколов дрова, он аккуратно сложил их в поленницу, отряхнул тулуп и направился к дому Фёдора Силантыча.

Черкасова Артём нашол в горнице. Он сидел у окна с потрепанной книгой, читая обстоятельно, не торопясь — как и положено человеку его склада.

— Садись, — бросил он, не поднимая глаз, пока не дочитал страницу.

Северов сел. Когда книга захлопнулась, Черкасов посмотрел на него своим фирменным взглядом — взвешивающим, словно примеривающим человека на прочность.

Артём заговорил прямо. Он не умел красиво расписывать чувства, поэтому сказал просто: хочу остаться. Жить здесь, работать, строить свой дом. Честно признался: хозяйства нет, документов нет — только бумага от пристава, за душой — лишь руки да голова. И самое главное — Варвара. Он подчеркнул, что уважает здешний порядок, поэтому пришел сначала к отцу.

Черкасов молчал долго. В этой тишине было слышно, как от холода трещат бревна в стенах.

— Кто ты и откуда? — наконец спросил старик.

— Издалека. И, честно говоря, названия мест вам ничего не скажут.

— Я тебя понял, Артём, — Черкасов чуть прищурился. — Я видел, как ты с Ванятой возишься, как работаешь, как в тайге себя держишь. Человека не спрячешь — рано или поздно он весь наружу выходит.

Старик поднялся и прошелся по горнице.

— Варька у меня одна. Это важнее всего — важнее любых твоих заслуг. Если она будет несчастна, я себе этого не прощу. И тебе тоже.

— Я не обещаю, что всё будет гладко, — Северов смотрел ему прямо в глаза. — Жизнь — штука сложная. Но обещаю быть честным. Всегда. Что думаю — скажу, чего не смогу — признаю.

Черкасов протянул тяжелую, натруженную ладонь. Рукопожатие вышло коротким и крепким, словно присяга.

— Говори с ней, — разрешил он. — Только сначала я сам скажу ей, что ты приходил. Пусть решает. А если останешься и сладится у вас всё — весной сруб поставим. У меня деланка за рекой, лес там добрый. Это будет наша общая работа.

Варвара нашла его через час у реки, где Артём перебирал снасти. Она шла быстро, лицо её было спокойным, но в глазах горел тот особый свет, который Северов уже научился узнавать.

— Батя говорил со мной, — начала она без предисловий. — Мог бы сначала и со мной поговорить.

— Мог, — Артём распрямился. — Но я уважаю твоего отца. И тебя. Ты сама говорила: ты не берёзка, которую без спроса сватают.

Варвара помолчала, обдумывая ответ.

— Хорошо, — кивнула она. — Батя сказал, ты честный. Я и сама это знаю. Но и ты пойми: я не городская барышня. Могу злиться, люблю в тайгу уходить одна, и руки у меня не белые и нежные.

— Я знаю, кого беру, Варвара. Ты не нежная. Ты — настоящая.

Варвара смотрела на реку, на ослепительный снег, а потом просто и окончательно произнесла: «Да». В этом коротком слове для Артёма Северова сосредоточился весь смысл его странного перемещения во времени. Теперь у него был дом, была земля и была женщина, без которой он уже не представлял своей жизни.

Пётр Волков пришёл к Надежде Павловне ровно в три. Для аналитика, привыкшего к чётким схемам, этот визит был настоящим испытанием: он постучал официально — три раза, с выверенной паузой.

— Я пришёл спросить, — сказал Волков, входя в дом и снимая шапку с той торжественностью, на которую только был способен, — позволите ли вы мне навещать вас регулярно. С намерением.

— С каким? — Надежда чуть улыбнулась, наблюдая за его непривычным смущением.

— С самым что ни на есть серьёзным. Я привык к задачам с известными переменными, Надежда. Но вы... вы не поддаётесь стандартному анализу.

Надежда тихо и искренне рассмеялась. Она призналась, что её планы на «один год в деревне» стремительно рушатся — и виной тому он. В знак высшего доверия Волков положил перед ней свой блокнот.

— Я записывал всё с самого первого дня. О людях, о быте... и о вас тоже.

Надежда читала долго, погрузившись в строки.

— Ты видишь людей по-настоящему, Пётр. Не холодным умом, а сердцем. Ты не сухой аналитик, ты просто очень осторожный и добрый человек, который боится причинить боль.

Волков промолчал, поражённый точностью её слов. Они пили чай, беседуя о простых вещах: о школе, о книгах, о том, как скоро вскроется река. Это был разговор двух близких людей, которым больше не нужно было притворяться.

В обед в зимовье к Северову ворвалась Пелагея.

— Слышала, Черкасов дал добро? — она энергично кивнула. — Правильно. Варвара — девка справная! Только скажи, твой Пётр Михайлович женат?

— Нет, — осторожно ответил Артём, предчувствуя очередной виток сватовства.

— Вот и расскажи ему про мою внучку...

— У Петра Михайловича другие обстоятельства, — мягко

перервал её Северов. — Надежда Павловна.

Пелагея на секунду замерла.

— Это учительница? — строго спросила она.

— Да.

— Ну и ладно. Главное, чтобы люди были хорошие.

Пётр Игнатьич, всё это время молча уплетавший щи из глиняной миски, лишь кивнул и усмехнулся:

— Пелагея кого хочешь пристроит.

Вечером Фрол Кузьмич впервые пришёл в деревню сам, без зова. Он сел за общий стол у Черкасова, а пёс Буян привычно устроился у порога. Собрались все: Артём, Пётр, Варвара и Надежда.

— Кряжа вчера на суд повезли, — негромко сказал Фрол.

— Он передал через Тягунова одно слово: «Простите».

В избе воцарилась тишина.

— Вы простили? — тихо спросила Варвара.

— Простил, — ответил старик после долгой паузы. — Прощение нужно не виноватому. Оно нужно тебе самому, чтобы груз на душе не был таким тяжёлым.

Позже Северов нёс на руках заспанного рыжего Ванятку в избу Матрёны. Мальчик сопел, уткнувшись в плечо Артёма, и тот вдруг осознал: этот живой, тёплый груз важнее всего, что ему доводилось носить прежде.

— Я сегодня ещё раз понял, что сделал правильный выбор, — прошептал Северов Варваре, когда они вышли в сени. — Остаться здесь. С тобой.

Над Нижним Камнем раскинулось бездонное звёздное небо. Величественное и бесконечное — в отличие от человеческой жизни. И чтобы тебя помнили, нужно прожить её честно и достойно.

Глава 13

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Тягунов приехал через неделю после того, как Кряжа под конвоем увезли в острог. Он прибыл один, без сопровождения казаков и без официального повода, что само по себе было ясным сигналом для тех, кто умел читать здешние порядки: Прокопий Семёнович ехал не как должностное лицо, а как человек, чей ум не желал мириться с неразгаданной загадкой.

За двадцать лет службы в Сибири Тягунов научился чувствовать людей кожей. Он видел беглых каторжников с выжженными клеймами и священников с тёмным прошлым, купцов, чей капитал пах кровью, и бродяг, за чьими лохмотьями скрывалось благородное происхождение. Его главным инструментом было умение различать истинную суть человека раньше, чем тот успевал открыть рот — так старый охотник чувствует перемену погоды по едва заметному запаху воздуха.

Эти двое — «учёный» и «охотник» — лишили его покоя. Тягунов нутром чуял: они не лгут, но и всей правды не говорят, балансируя на той тонкой грани, где искренность встречается с необходимостью хранить тайну. В их легенду он не поверил с первой секунды: учёные не обладают такой хищной грацией в движениях, а охотники не умеют так профес-

сионально держать паузу в разговоре.

Военные, — думал он, мерно покачиваясь в седле. Но какой выучки? Разведка, жандармерия, тайные порученцы из Петербурга? Ни одна версия не выдерживала критики: в них не было того специфического страха разоблачения, который всегда сопутствует шпионам. Они были спокойны спокойствием людей, которые уже всё видели и которых трудно чем-то удивить. И главное — полное отсутствие документов в империи, где без бумаги человек был лишь тенью.

В Нижнем Камне его встретили сдержанным удивлением. Фёдор Силантыч Черкасов вышел к воротам, прищурился на низкое солнце и принял повод коня.

— Прокопий Семёнович, какими судьбами, один? — спросил он, вглядываясь в лицо пристава.

— Поговорить нужно, Фёдор Силантыч. Северов и Волков на месте?

— Здесь они. Случилось что?

— Пока нет. Пригласи их в избу.

Они пришли быстро, но без суеты, сохранив ту самую выправку, которая так раздражала и одновременно восхищала Тягунова. Пожали руки — крепко, по-мужски. В избе пристав сел за стол, аккуратно положил перед собой шапку и обвёл обоих внимательным взглядом. Черкасов деликатно вышел, а за перегородкой в кухне мгновенно стих звон посуды — Варвара притихла, обратившись в слух.

— Я не по делу Кряжа, оно закрыто, — начал Тягунов, и

голос его звучал ровно, почти доверительно. — Я чиновник, господа. Моя работа — понимать, что происходит на моей земле. А вас я не понимаю. И это мне мешает спать.

Волков и Северов переглянулись. В тишине избы было слышно, как уютно трещат поленья в печи.

— Что именно вы не понимаете? — спросил Волков.

— Всё, — отрезал Тягунов. — Вашу выправку, вашу тактику, то, как вы брали Мёртвый порог — так не учат в линейных батальонах. Я сам служил в Туркестане, я знаю разницу между солдатом и мастером.

Волков посмотрел на свои ладони, потом прямо в глаза приставу.

— Мы ответим честно, Прокопий Семёнович. Но предупреждаю: то, что вы услышите, не поддаётся проверке и может звучать как бред безумца.

— Говорите, — коротко велел Тягунов.

Они рассказывали по очереди, дополняя друг друга. Волков выстраивал логическую структуру, Северов добавлял живые, порой пугающие детали. Они говорили о белом молоке тумана над Тунгуской в октябре две тысячи двадцать четвёртого года, о Российской Федерации — стране, которая придёт на смену империи через столетие. О молодых телах, в которые вернулись их старые, израненные войнами души. О том, что документов у них нет и быть не может, потому что их время ещё не наступило.

Тягунов слушал, не перебивая. Это было самым стран-

ным: он не смеялся, не крутил пальцем у виска. Он сидел неподвижно, и в его глазах отражался огонёк лучины. Когда рассказ был закончен, в избе повисла тяжёлая, густая тишина.

— Две тысячи двадцать четвёртый... — эхом повторил пристав. — Урочище Чёрный Камень?

— Да.

— Там место нехорошее, шаманское, — тихо произнёс Тягунов. — Старики разное болтали, я не верил... до сего дня.

Он встал, прошёлся по горнице, остановился у окна, глядя на ледяную реку.

— Вы могли соврать, — обернулся он. — Любая сказка про беглых из дальней губернии была бы мне удобнее. Почему сказали это?

— Потому что вы прямой человек, — ответил Волков. — А нам здесь жить. Врать соседям — дурное начало.

— Без документов вы здесь — никто, — Тягунов вернулся к столу. — Любой урядник может сгноить в яме. Жениться нельзя, дело открыть нельзя. Вы это понимаете?

— Понимаем, — кивнул Северов.

Тягунов снова прищурился, и в этом взгляде уже не было подозрения — только холодный расчёт государственного мужа.

— Вы умеете воевать, — констатировал он. — И умеете думать. У меня огромный уезд, пять казаков и вечная

нехватка толковых людей. Мне нужны те, кто может брать бандитов живыми и «читать» ситуацию до того, как прольётся кровь.

Он предложил им службу. Документы он обещал выправить официально — как людям, потерявшим бумаги при несчастном случае. В архивах они станут «отставными военными из Иркутской губернии». Волков — особый следователь по поручениям, Северов — помощник урядника по специальным операциям. Жалованье офицерское — по двадцать рублей в месяц.

— Ты, Волков, будешь моими глазами на приисках, где золото мутит разум. Ты, Северов, — моей рукой в тайге, где беглые забывают человеческий язык. Это честная работа.

— И вас не пугает наше... происхождение? — спросил Волков.

— Пугают злые люди и несправедливость, — спокойно ответил пристав. — А два человека из будущего, которые живут по совести — это просто странно. Никто, кроме нас троих, об этом не узнает. В бумагах будет только то, что нужно для дела.

Тягунов поднялся, собираясь уходить. У порога он задержался, и в его голосе промелькнуло что-то человеческое, тёплое.

— Артём Иванович, про Варвару Черкасову слышал. Хорошая семья, правильный выбор. Пётр Михайлович, учительница Соколова — тоже душа светлая. Берегите их. Через

две недели жду в остроге для оформления и присяги.

Когда дверь за ним захлопнулась, в избе стало неестественно тихо. Из кухни донёсся демонстративный грохот посуды — Варвара давала понять, что она всё слышала.

— Она знает, — констатировал Северов.

— Она и должна была знать, — отозвался Волков.

Черкасов вернулся через полчаса, когда пристав уже скрылся за поворотом реки. Он молча налил три кружки чая, поставил на стол.

— Служить предложил? — спросил старик.

— Предложил. Мы согласились.

Черкасов кивнул. Он долго держал горячую кружку в ладонях.

— Я слышал всё, — просто сказал он. — Стены здесь не для секретов. Другие времена, туманы... моему уму это постичь трудно. Но я вижу человека. Тебя, Артём, вижу. Ты — настоящий. Из какого бы века ни пришёл, мне этого достаточно.

Из кухни вышла Варвара с караваем свежего хлеба. Она не смотрела на Северова, но её движения были спокойными, лишёнными прежней настороженности.

— Варвара, ты слышала, — тихо произнёс Артём.

— Слышала, — она наконец подняла на него взгляд. — Пугает ли? Нет. Удивляет — да. Но теперь я понимаю твои глаза. Молодое лицо, а взгляд... будто ты прожил три жизни. Ешьте хлеб, остынет.

Вечером Северов нашёл её у поленницы. Мороз крепчал, звёзды казались стеклянными на фоне уже почти ночного неба. Он встал рядом, помогая укладывать дрова.

— Ты хотела спросить, — сказал он.

— Хотела, — Варвара выпрямилась, её дыхание превращалось в иней на воротнике. — Две тысячи двадцать четвёртый год... это ведь очень далеко?

— Сто двадцать пять лет.

— Там у тебя была жизнь. Хотел бы вернуться?

Северов задумался, глядя на тёмную кромку тайги. Он вспомнил шум Москвы, бесконечную суету и то чувство внутренней пустоты, которое не заполняли ни деньги, ни комфорт.

— Нет, — ответил он твёрдо. — Та жизнь была правильной снаружи, но мёртвой внутри. Здесь всё иначе. Здесь я чувствую себя живым. Здесь — ты.

Варвара смотрела на него долго, проверяя правдивость каждого слова.

— Год не важен, Артём, — сказала она тихо. — Ты колешь дрова, ты лечишь детей, ты идёшь за людьми в тайгу. Это — ты. И это не зависит от времени.

Во дворе появился Волков с блокнотом под мышкой. Он выглядел необычно оживлённым.

— Надежда согласилась! — сообщил он, подходя. — Официально. На регулярные визиты с намерением.

— Поздравляю, аналитик, — усмехнулся Северов.

— И документы... — Волков перешёл на деловой тон. — Имена и отчества оставим свои — Иванович и Михайлович. А вот год рождения поставим 1877-й. Чтобы официально нам было по двадцать два года — ровно столько, сколько видит глаз.

— Двадцать два года тела, пятьдесят восемь опыта, — пробормотал Северов. — Гремучая смесь.

Варвара слушала их и думала о том, как странно и в то же время правильно устроена жизнь. Над ними стояло то же самое небо, что и в их далёком будущем, но теперь на эти звёзды стоило смотреть — потому что под ними был их дом.

Служба была впереди. Свадьба и новый сруб — по весне. Жизнь продолжалась, и это была их настоящая, здешняя жизнь.

Глава 14

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Две недели пролетели незаметно — так проходит время, когда оно наполнено не ожиданием, а содержанием. Северов осознал это в один из обычных вечеров, когда сидел у печи и чинил упряжь, которую дал Черкасов. За всё это время ему не было скучно ни одного часа, хотя внешне ничего особенного не происходило: просто каждый день был плотным, набитым смыслом, как хорошо уложенный десантный рюкзак.

Волков эти две недели провёл в раздумьях — он постоянно что-то записывал в свой блокнот и подолгу разговаривал с Надеждой Павловной. Она умела слушать так, что мысли в процессе разговора становились чище и точнее, и Пётр это ценил отдельно.

— Ты что-то задумал, — констатировал Северов на третий день, наблюдая за напарником.

— Несколько вещей, — согласился Волков. — Расскажу в остроге. Тягунову нужно слышать это одновременно с тобой.

— Интригуешь.

— Структурирую, — парировал Волков. — Когда я говорю «структурирую», это значит — я придумал что-то большое и правильное. Это будет работа. Надолго.

Северов на мгновение замолчал, а потом озвучил то, что беспокоило его больше всего:

— Присяга. Мы уже присягали один раз. Для нас это не пустое слово.

— Меня это тоже заботит, — отозвался Волков. — У меня есть что сказать Тягунову на этот счёт, но это надо говорить в лицо.

В острог выехали в пять утра. Морозный туман плотно лежал на льду реки, кони шли рысью, их дыхание мгновенно превращалось в иней. Варвара вышла провожать их, накинув тулуп нараспашку. Она смотрела на Артёма своим фирменным прямым взглядом, в котором спокойствие перемешивалось с едва уловимым теплом.

— К вечеру вернётесь? — спросила она.

— Как получится, — ответил Северов.

— Ладно. Не замёрзните по дороге.

— Варвара, не беспокойся, дорога наезжена, кони справные, доедем.

— Тогда доброго пути — чуть улыбнулась она.

Надежда стояла у своего крыльца, как всегда, с книгой под мышкой. Она посмотрела на Волкова и тихо пожелала удачи.

— Там может быть сложнее, чем кажется, — заметил Пётр.

— Ты справишься, — ответила она с абсолютной уверенностью. — Ты всегда справляешься там, где нужна голова.

Пока они ехали по реке, Северов вернулся к вопросу о верности.

— Присяга. Что ты ему скажешь?

— Скажу честно: мы давали присягу, и она действует. Отречься от неё — значит обесчестить себя, — Волков смотрел на заснеженный горизонт. — Но та присяга была дана России и её людям. Честно, без корысти. Россия — она одна. Разные названия, разные века, но страна и люди — те же. Служить им здесь и сейчас — это не измена первой присяге, а её продолжение.

Северов обдумал это.

— Тонко.

— Честно, — поправил Волков. — Если он не поймёт, мы дадим слово. Слово офицера. Для нас оно равно присяге. Нарушивший его перестаёт быть офицером. Тягунов сам из военных, он поймёт.

Тягунов ждал их в конторе. На столе уже лежали две гербовые бумаги, перо и чернильница. Он встал навстречу гостям, но, заметив их молчание, сразу сел обратно.

— Когда люди молчат перед важным делом — это либо трусость, либо у них что-то на уме, — прищурился пристав. — На трусов вы не похожи.

— Прокопий Семёнович, нам нужно сказать одно. Про присягу, — начал Волков. Он говорил ровно и чётко о том, что они не могут отречься от того, что обещали своему государству раньше, потому что измена себе — худшая из измен. — Но мы готовы дать слово офицера. Что будем служить здесь по совести, верные тем же принципам.

Тягунов слушал внимательно. В его глазах шла напряжён-

ная работа.

— Слово офицера, — повторил он медленно. — В армии оно равно присяге. Вы понимаете, что если нарушите его — перестанете быть офицерами?

— Понимаем, — ответил Северов. — Мы жили так всю жизнь, и это не новое для нас.

Пристав встал и прошёлся по комнате, глядя в окно на серый острожный двор.

— Я скажу так, — обернулся он. — Присяга на Евангелии — это закон, без неё бумаги формально неполные. Но я видел тех, кто присягал по правилам и предавал, и тех, кто был верен без всяких формальностей. Я доверяю людям, а не бумаге. В документах напишу: «приняли присягу». Но формой будет ваше слово офицера. Я приму его сам, своим именем. Это значит, вы отвечаете передо мной лично, а я за вас — перед законом. Это честно?

— Честно, — подтвердил Северов.

Они встали и дали слово служить России, беречь людей и не злоупотреблять властью. Тягунов принял его и, снова усевшись за стол, отложил перо.

— Теперь говорите о том что ещё хотите сказать. Я чувствую, вы не только за паспортами приехали.

Волков достал свой блокнот.

— Прокопий Семёнович, уезд огромный, а нас двое. Мы не можем быть одновременно на приисках, у беглых на хвосте и при охране почты. Физически не успеем. Нам нужны

люди, но не просто казаки. Нам нужны те, кто умеет читать следы человека, работать тихо и брать живыми. Их нужно создать.

Тягунов закурил трубку.

— Создать. Откуда людей брать?

— Первый набор — из крепких промысловиков, — ответил Волков. — Обучим их тактике, рукопашному бою и разведке за три-четыре месяца. Учить будем мы сами. А на перспективу — сироты. В уезде есть дети без родителей, при церквях или у добрых людей. Им можно дать дом, учёбу и профессию. Вырастить людей, которые будут служить по призванию. Через семь лет у вас будет структура, которая не потребует присылки солдат из Иркутска.

— На что их кормить? У меня бюджет казённый, маленький, — возразил Тягунов.

Тут вступил Северов.

— Купцы, артели, старатели. У всех одна беда — беззащитность. Мы предложим им договор: они финансируют обмундирование и провиант отряда, а взамен получают реальную защиту и разведку. Мы будем знать о готовящемся грабеже заранее. В нашем времени это называется агентурная сеть, здесь — просто толковые люди на местах.

Тягунов долго дымил трубкой, глядя на аккуратные схемы в блокноте Волкова.

— В Петербурге это назовут реформой, — сказал он наконец. — За такое можно получить или орден, или по шапке.

— Зависит от результата, — заметил Северов.

Тягунов негромко засмеялся.

— Мне пятьдесят два года. Я давно делаю то, что правильно, а не то, что велят. Хорошо. Начнём с вашей работы в течение шести месяцев. Если будет результат — пойдём дальше. Купцов сводить буду сам, церковь и сироты — за вами. Название для бумаг: «Особый отряд при уездном управлении».

Остаток дня заняли формальности. Тягунов выправил документы: Артём Иванович Северов и Пётр Михайлович Волков, 1877 года рождения (чтобы официально им было по 22 года, как и выглядели их тела). Перед уходом пристав достал из шкафа два тёмно-зелёных казачьих полушубка с кантом.

— Это чтобы видели власть, а не просто молодых мужиков, — пояснил он. А затем выложил на стол две блестящие металлические бляхи с выбитой надписью: «Покровский уезд».

Северов взял бляху в руку. Тяжёлая, холодная, настоящая. Символ того, что теперь они — часть этого мира по праву.

— Первое задание через три недели, — напутствовал Тягунов. — Прииск на Подкаменной. И передайте Варваре Черкасовой: хороший у неё жених.

Домой ехали молча. Кони шли ровно, пар поднимался над гривами.

— Волков, — подал голос Северов. — Ты понимаешь, что мы только что согласились построить в Сибири полицейскую

академию образца 1898 года?

— Понимаю. Результат покажет, — привычно отозвался Волков.

— Про присягу ты правильно сказал. Она не зависит от флага. Служи честно, не предавай, не бери чужого. Это вечно.

Когда показалась деревня, Ванятка, как всегда, первым заорал на всю округу. Черкасов ждал у ворот. Варвара возвращалась с реки с вёдрами и замерла, увидев всадников в новых полушубках.

Северов спешил и протянул ей бумагу свёрнутую в свиток. Она медленно прочитала: «Северов Артём Иванович».

— Это ты, — тихо сказала она.

— Это я.

— Ну и хорошо. Пойдём в дом, щи уже на столе.

Вечер за столом у Черкасова был тихим и тёплым. Пили брусничную наливку. Надежда Павловна смотрела на Волкова с тихой радостью, он обещал рассказать всё подробно позже.

— О чём думаешь? — спросила Варвара Северова, заметив его задумчивый взгляд на бляху лежащую на столе.

— О работе. О той, которую хочется делать.

Варвара коснулась его плеча.

— Когда хочется — тогда и получается. Это просто жизнь.

Над Нижним Камнем с нова распростёрла своё звёздное покрывало ночь. Жизнь шла своим, наконец-то правильным

ХОДОМ.

Глава 15

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Письмо от Тягунова пришло через неделю после их возвращения из острога. Принёс его молодой казак, который примчался на запалённой, покрытой инеем лошади. Он вручил конверт с тяжёлой сургучной печатью, чётко козырнул и, не задерживаясь, поехал обратно — у пристава в управлении каждый человек был на счету.

Северов вскрыл письмо прямо у ворот, на колючем морозе. Читал стоя, а Волков заглядывал через плечо. Тягунов писал кратко, по-военному: прииск «Нижняя Звезда» на Подкаменной Тунгуске, четыре дня пути от их деревни. Артель состояла из двадцати трёх человек под началом управляющего Фомина Константина Дорофеича. С осени там творилось неладное: сначала золото пропадало по мелочи, что списывали на недовес при промывке, но потом хищения стали системными. Напряжение вылилось в открытую кровь: один старатель проломил другому голову камнем. Пострадавший едва выжил, а нападавший скрылся в тайге. Теперь в артели каждый косился на соседа, работа встала, а люди были на взводе — управляющий боялся выдвигать обвинения без твёрдых улик, понимая, что любая ошибка приведёт к резне.

— Ясно, — констатировал Волков, когда они закончили чтение.

— Ясно, — эхом отозвался Северов. — Выходим послезавтра. Завтра день на сборы.

— Нужна легенда, — добавил Волков. — И смена облика. Приказчик купеческий в форменном полушубке особого отряда на прииск не поедет.

Решили, что Северов пойдёт под видом обычного охотника-промысловика. Одежду — поношенный тулуп, валенки и простую шапку — он решил взять у Черкасова. Ружьё одолжил у Петра Игнатьича — старый, но надёжный охотничий ствол. Волкову было проще: для образа приказчика Надежда Павловна выделила из своего чемодана городской кафтан и хорошие сапоги, которые она привезла из Томска «на всякий случай».

Вечером Северов пришёл в горницу к Черкасову, чтобы предупредить Варвару. Фёдор Силантыч слушал рассказ о предстоящем деле молча, мерно прихлёбывая чай и внимательно наблюдая за гостем. Когда Артём закончил, Варвара встала, подошла к полке и вернулась с небольшим свёртком, завёрнутым в чистое полотно.

— Это что? — спросил Северов.

— Открой, — коротко велела она.

В свёртке оказался кожаный кисет — тёмный, аккуратно сшитый, с ровной вышивкой «ёлочкой» по краю.

— Ты сама сшила? — тихо спросил Артём.

— Сшила, — Варвара смотрела в сторону, скрывая вол-

нение. — Ещё неделю назад закончила, всё не знала, когда отдать. А тут как раз в дорогу.

— Но я же не курю.

— Знаю. Но охотник без кисета — это подозрительно. Если кто спросит, скажешь: дочка отца попросила взять как оберег в путь.

Черкасов, глядя в свою кружку, явно был доволен предусмотрительностью дочери. Северов почувствовал, как кисет греет ладонь — в каждом стежке читалась её забота.

— Варвара, иди сюда, — негромко позвал он.

Она подошла. Артём взял её за руку, и на этот раз она не отстранилась. Северов наклонился и поцеловал её — по-настоящему, без слов.

Черкасов за столом демонстративно кашлянул:

— Пойду-ка я скотину проверю, — объявил он в пустоту и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Батя всегда уходит вовремя, — чуть улыбнулась Варвара, хотя её щёки покраснелись от тепла печи. — Возвращайся, Артём. Это самое важное. Сборы я возьму на себя: еду собираю, тулуп батин примерь.

Волков тем временем прощался с Надеждой. Она открыла дверь ещё до того, как он успел постучать — узнала шаги.

— Тягунов прислал приказ? — догадалась она.

— Прислал. Послезавтра уходим на прииск, — Волков сел к столу.

Надежда налила чай, обхватив кружку ладонями. В её глазах читалась тревога.

— Это опасно?

— Умеренно, — привычно ответил он, но Надежда лишь покачала головой: «У меня на сердце беспокойно».

Она внезапно спросила: «Ты счастлив, Пётр?». Волков замер. Это слово было для него почти чужим, забытым в прошлой жизни.

— Да. Думаю — да, — медленно произнёс он, глядя ей в глаза. — Я долго жил, не замечая этого слова. А теперь замечаю.

Надежда порывисто встала и принесла ему небольшую книгу в тёмном переплёте — Чехов, рассказы. На первой странице было написано мелким почерком: «Петру. Чтобы было что читать в дороге. Н.».

— Ты написала «Петру». Не по отчеству, — заметил он.

— Это моя книга, пишу что хочу, — она смущённо отвернулась к чайнику.

Волков подошёл к ней, взял её лицо в ладони и поцеловал — долго и тихо.

— Я думала, ты всё решаешь слишком долго, — выдохнула Надежда. — Иди собирайся. И читай книгу, когда будет скучно.

Утро сборов выдалось деловым. Северов облачился в старый промысловый тулуп Черкасова со следами смолы, обул

валенки, в которые Варвара предусмотрительно набила шерсти для плотности. Черкасов критически осмотрел его и выдал горшочек с дёгтем.

— Руки больно чистые для охотника, — пояснил он. — Натри под ногтями и между пальцами. Охотник мелкое замечает.

Волков выглядел солидно в суконном кафтане и бобровой шапке. С бумагами на имя приказчика от купца Меркулова легенда выглядела безупречно. Варвара принесла тяжёлый мешок с едой: вяленое мясо, ржаной хлеб, мёд и сало.

— Это понесёт Фрол, — распорядилась она. — Ты, Артём, должен идти налегке. Охотник без поклажи — значит, зимовьё рядом. Это естественнее для легенды.

Они выехали на рассвете. Фрол уже ждал у ворот с Буяном. Варвара стояла на морозе без платка, скрестив руки на груди, и смотрела им вслед, пока всадники не скрылись за лесом.

Дорога заняла четыре дня. На второй день пути Волков читал Чехова на ходу.

— «Скучная история»... — задумчиво произнёс он. — Про старика, который под конец понял, что в жизни не было главного — людей рядом.

— Это называется влюбился, — хмыкнул Северов.

— Хорошо называется, — просто ответил Волков.

На подходе к прииску Фрол обнаружил следы: двое ушли в тайгу вчера, и шли тяжело, явно неся груз. Дело уже нача-

лось.

Прииск «Нижняя Звезда» встретил их мрачно. Мужики у барака смотрели настороженно. Фрол сразу выделил в толпе Серёгу Кривого — пришлого с бородой клинышком, который держался особняком. Волков направился в контору к Фомину, а Северов — к бараку, разыгрывая роль усталого охотника с хромой лошадью.

Вечером в бараке Северов завязал разговор с рыжебородым Тихоном. Тот, понизив голос, подтвердил: золото пропадает, а недавно одного из своих чуть не забили до смерти. Северов ел кашу и наблюдал: Кривой в углу сидел слишком спокойно, а его молодой напарник Антипка хранил полное молчание. В конторе до поздна горел свет — Волков уже начал методично изучать учётные книги Фомина.

Тайга молчала. Дело входило в активную фазу.

Глава 16

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На прииске зима не позволяла расслабиться ни на мгновение. С первыми лучами солнца артельщики уходили на шурфы — зимняя добыча требовала изнурительного труда: мужики били глубокие ямы в промёрзшей насквозь земле, доставали породу и складывали её в отвалы, чтобы весной, когда вскроются реки, начать промывку. Здесь могли работать только те, у кого были сильные руки и кости крепче камня: кайлом и лопатой вгрызались в грунт, который по твёрдости не уступал железу. Люди ходили угрюмые, выжатые досуха, со скрытой злобой в глазах, которая копилась и могла прорваться в любой момент.

Северов вышел на работы вместе со всеми. Он не играл роль — он просто работал, подгребая породу и помогая катать тяжёлую тачку. В артели слова весили мало: чтобы стать своим, в первую очередь нужны были сила и навык. Человека здесь проверяли делом. К обеду его сосед по нарам, рыжебородый Тихон, одобрительно хмыкнул, глядя на ритмичные удары Северова:

— Ты, охотник, с кайлом ладишь не хуже нашего. Откуда сноровка?

— На казённых работах ещё мальчишкой горбатился, — отозвался Артём, не сбавляя темпа. — Дорогу строили, там

и научился.

— Силы в тебе — дай бог, — Тихон взгляделся в него, прищурившись. — Только вот глаза... глаза у тебя такие, будто повидал ты куда больше, чем человеку на роду написано.

— Дорога старит, — коротко отрезал Северов.

К вечеру Артём уже знал артель изнутри. Он видел, кто держится особняком, а кто ищет компании. Кривой всегда обедал в углу со своим молчаливым напарником Антипкой. Когда Кривой проходил мимо, мужики невольно опускали глаза.

— С июня он здесь, — шепнул Тихон, когда Кривой отвернулся. — Говорил, что с иркутских приисков пришёл. Мастер он добрый, в работе не каждый за ним угонится, только в последнее время золото стало пропадать. А на кого думать? - Не пойманный — не вор

Пока Северов вгрызался в мёрзлую землю, Волков методично «препарировал» документы в конторе Фомина. Для любого наблюдателя он был скучным купеческим приказчиком: перо, чернильница, бесконечные сличения веса, проб и расхода пороха. Фомин, поначалу дёрганный и настороженный, к обеду расслабился. Он понял: этот человек приехал не кляузы писать, а искать корень беды.

— Я в октябре Тягунову писал, — признался Фомин, глядя в окно на серые сумерки. — Думал, забыл он про нас. А здесь уже до крови дошло: Прохору голову камнем проломили, когда он золото к навесу нёс. В артели теперь каждый на

каждого как на зверя смотрит.

— Делайте своё дело, Константин Дорофеич, — ровно ответил Волков. — Пусть все думают, что я обычный счетовод от Меркулова.

Фомин долго смотрел на него, а потом тихо выдохнул:

— Вы ведь не от Меркулова... Тягунов прислал?

— Тягунов, — подтвердил Волков.

— Слава Богу, — Фомин перекрестился. — Слава Богу.

Вечером второго дня Фрол позвал Северова во двор. Буян сидел у навеса, не сводя глаз с настила.

— Вот, пёс нашёл, — прошептал старик. — Под рогожей, в снегу. Я не трогал.

Северов опустился на колени, заглянул в тайник. Там лежал берестяной туесок, плотно набитый серой тяжёлой породой.

— Прячут понемногу, — констатировал Северов, возвращая всё на место. — Ждут весны, чтобы уйти с концами. Но брать сейчас нельзя — скажут, подложили. Нужно что бы вся артель это видела. На следующий день Волков навестил раненого Прохора. Разговор был коротким: Прохор вспомнил лёгкие шаги за спиной перед ударом.

— Молодой бил, — уверенно сказал раненый. — Старик так бегать не может, а этот — как тень. Думаю, Антипка это, подручный Кривого. Я ведь Кривого ночью у навеса видел за неделю до того, да вот побоялся сказать...

Картина сложилась. Кривой — мозг, Антипка — испол-

нитель.

На четвёртый день Фомин по просьбе Волкова собрал артель в бараке якобы для объявления новых условий от Меркулова. Набилось двадцать человек. Кривой и Антипка заняли место у стены, спокойные и уверенные в своей безнаказанности.

Волков встал перед мужиками, раскрыл папку:

— Господа артельщики, — начал он, и голос его зазвенел сталью. — Я здесь, чтобы разобраться в систематическом хищении золота. Вот таблицы: каждый раз пропажа случалась в смену одного и того же человека.

— Совпадение это! — выкрикнул Кривой, но голос его дрогнул.

— Возможно, — парировал Волков. — Но вот это — не совпадение.

Дверь распахнулась, вошёл Фрол с берестяным туеском. Барак ахнул.

Кривой рванулся к столу, но Северов уже стоял у него на пути:

— Стой, — тихо сказал Артём.

— Ты кто такой, охотник? — прохрипел Кривой, узнавая в позе Северова военную выучку.

— Особый отряд при уездном управлении, — Северов достал бляху. — Именем пристава — ты задержан.

Антипка попытался метнуться к двери, но Фрол просто преградил ему путь, даже не поднимая рук. Пёс Буян оска-

лился. Мальчишка рухнул на лавку, закрыв лицо руками.

Обратная дорога в острог заняла пять дней. Кривой, поняв, что им грозит, заговорил. Он сдал скупщика в Красноярске и тайники в обмен на обещание Волкова замолвить слово за Антипку — мол, он сам втянул пацана в это дело.

Тягунов встретил их в остроге сдержанной похвалой:

— Быстро сработали, — пристав положил перед ними два конверта. — Это жалованье за первый месяц, по двадцать рублей каждому. Про скупщика в Красноярске — завтра же отпишу коллегам.

— Это пригодится для учёбы, — Волков положил на стол схему хищений. — Когда пришлёте первых учеников, я покажу им, как ломать такие системы.

— Пришлю троих на днях. Крепкие ребята, — Тягунов пожал им руки. — Езжайте домой, заждались вас там.

В Нижний Камень они прибыли в густых сумерках. Деревня светилась теплом окон. Ванятка, совершенно здоровый, закричал на всю улицу, завидев коней.

Варвара выбежала из ворот в одном платке, забыв про тулуп на лютom морозе. Она замерла в шаге от Северова:

— Живой, — выдохнула она.

— Как обещал, — ответил он.

Артём шагнул к ней и обнял — крепко, чувствуя, как она утыкается лицом в его плечо. Черкасов деликатно увёл лошадей:

— Холодно, беги в дом, — шепнул Северов.

— Не замёрзну, — отозвалась она, но отступила, быстро проверяя его взглядом.

Волков нашёл Надежду в школе. Она убирала класс, услышала шаги и обернулась:

— Слава богу, вернулись, — воскликнула она, вытирая руки о фартук.

Волков достал из-за пазухи книгу Чехова:

— Прочитал «Скучную историю». Старик там не нашёл ответа, что в жизни главное.

— А ты? — Надежда подошла ближе.

— А я нашёл. Давно. Просто не говорил. Это — ты.

Надежда, обычно сдержанная учительница, решительно встала на цыпочки и поцеловала его. Они стояли среди парт и меловых досок, а снаружи выла вьюга. Потом она читала ему свои очерки о деревне, а он слушал её голос и понимал: это и есть дом.

— Надежда Павловна, — официально начал он, держа её за руку. — Я хочу просить вашей руки. По всем правилам, как полагается.

— Ты же аналитик, Пётр, — она тихо засмеялась. — Сам как думаешь, что я отвечу?

— Думаю, что ты не будешь против.

— Правильно думаешь.

Они вышли на крыльцо. Вьюга по тихоньку утихла, и над деревней раскинулось звёздное небо — то самое, что висело над ними в первый день. Волков обнял Надежду за плечи,

они стояли молча, глядя на звёзды. Впереди была весна, свадьба, новая жизнь. И всё это начиналось здесь, в этой глухой сибирской деревне, которая стала им домом.

Глава 17

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Зима в Сибири — суровый, но честный судья, и она вынесла вердикт репутации Северова и Волкова куда быстрее, чем это сделала бы любая столичная газета. После того как прииск «Нижняя Звезда» был очищен от скверны, по рекам, словно весенняя наледь, пополз слух. Сначала осторожный, шепотком по зимовьям, а затем всё более уверенный: в Покровском уезде объявились двое молодых людей при приставе Тягунове, способных распутывать такие узлы, перед которыми пасовали самые опытные казаки.

Дела шли одно за другим, проверяя их «старые головы» на прочность в новых, суровых декорациях. В феврале Волков, применив холодный аналитический расчет, вычислил систему грабежей купеческих обозов на Малой Гриве. Он понял, что маршруты менялись изнутри — хитрость была в доступе к планам перевозок. Круг подозреваемых сузился до тех немногих, кто знал график движения. Трое задержанных, товар возвращен владельцам, а репутация «книжного» человека начала дополняться ореолом практического ума.

В марте Северов отправился усмирять «лешего», терроризировавшего промысловиков в верховьях. Вместо мистического чудовища Артём вывел из чащи измождённого беглого каторжника, который от голода потерял человеческий

облик и рыдал над куском хлеба. Вся округа смеялась над «лешим», но имя Северова запомнили крепко — как человека, способного видеть суть там, где другие видят лишь тень.

Апрель же принес по-настоящему крупное дело — убийство уважаемого мучного торговца Лебедева в самом остроге. Волков зашел в его лавку будто бы за мукой, и его цепкий взгляд снайпера зацепился за две детали: бегающие глаза приказчика и свежий порез на его правой ладони, не вязавшийся с официальной версией о нападении грабителей. Картина сложилась мгновенно. К утру преступник был в кандалах, а в уезде заговорили о «новых людях».

Теперь их больше не называли «пришлыми». В уезде звучало просто: «Северов и Волков». Пелагея, верная своему характеру, тут же провозгласила себя их главной покровительницей, утверждая, что увидела в них «хороших мужиков» с первого взгляда, хотя Артём точно помнил её первоначальную настороженность.

II. УЧЕБНАЯ КОМАНДА

Настоящая работа началась в конце апреля, когда Тягунов прислал первый набор учеников. Их было пятеро, хотя разговор был за троих — крепкие, обветренные молодые люди, в чьих глазах читался не азарт наживы, а голод по настоящему делу.

Степан Горбатов, рослый и основательный, пришел от своего дяди из Верхнего Камня. Митрий Скоков, бывший ямщик, отличался быстротой и острым языком. Никита Во-

лосатый напоминал молодого медведя — кудрявый и невероятно сильный. Егор Тихий оправдывал свою фамилию: он был незаметен, но внимателен. Семён Лыков, пришедший с севера, был немногословен и деловит.

В первое же утро Северов выстроил их на берегу реки.
— Смирно! — рявкнул он.

Митрий Скоков, привыкший к вольной жизни, хмыкнул и попробовал возразить, но Северов сделал один шаг к нему — не угрожающий, но такой, что ямщик невольно выпрямился, почувствовав стальную волю за этой осанкой.

— Дисциплина — это не муштра, — спокойно объяснил Артём. — Это необходимость. Вы будете слушаться меня, потому что я знаю, как убить врага и при этом самому остаться живым. Когда сравняетесь со мной — будете командовать сами. А пока — смирно.

Разминка началась с трех верст бега до старой сосны. Митрий рванул первым и «спекся» на середине пути, Никита топал, как лось, проламывая бурелом. Егор бежал бесшумно, а Семён — медленно, но ровно. Северов заставил их пробежать еще три круга, пока Никита не рухнул в снег.

— Тело — ваш главный инструмент, — учил Северов задыхающихся парней. — Если вы задыхаетесь после бега, вы — не боец и бесполезный товарищ.

III. НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Через три дня перешли к рукопашному бою. Северов встал в центре, безоружный и спокойный.

— Нападай, Митрий. Всерьёз.

Скоков прыгнул с широким замахом, но Северов, словно не приложив усилий, использовал инерцию парня, и тот оказался в снегу раньше, чем понял, что произошло. Следом полетели Никита и Степан. Против Егора и Семёна, зашедших с двух сторон, Артёму пришлось двигаться быстрее, но результат был тем же — пятеро учеников лежали в сугробе.

— Сила — не главное, — объяснял Северов, помогая им подняться. — Важна устойчивость и использование силы противника против него самого.

На десятый день к занятиям присоединился Волков. Ученики, считавшие его «книжным человеком», были потрясены, когда Пётр Михайлович, почти не меняя выражения лица, уложил Митрия коротким перехватом руки.

— Я не только книги читаю, — ровно заметил Волков. — Я — разведчик. Мой стиль — тишина и скорость. Артём Иванович — штурмовик, его задача — напор. Вы должны владеть обоими подходами.

IV. ДЫХАНИЕ И СТАЛЬ

На стрельбище, устроенном Волковым, вскрылась главная проблема промысловиков. Все они были отличными охотниками, пока стояли неподвижно. Но после того как Северов заставил их лечь-встать десять раз, пули полетели в молоко.

Волков продемонстрировал класс: он пробежал версту, остановился и ровно через три секунды положил три пули точно в цель.

— Три секунды, — сказал он. — Это время, за которое тело должно успокоить руки. Учим дыхание.

Ножевой бой Волков вёл сам, используя деревянные макеты, вырезанные Северовым.

— Главная задача — не ударить, а обезоружить и не дать порезать себя, — внушал он. — Даже маленькая рана в бою — это потеря концентрации. Берегите руки.

V. РАБОТА ГОЛОВОЙ

По вечерам Волков устраивал «занятия для ума». Он выкладывал на стол случайные предметы, например: обрывок дорогого сукна, монету, перо и кусок верёвки.

— Что вы скажете об этом человеке? — спрашивал он.

Семён Лыков оказался самым способным: он определил по рваному краю ткани, что человек спасался бегством, а по качеству сукна — что он был зажиточен.

— В следствии всегда много лишнего, — подытожил Волков. — Ваша задача — отсеять случайное и найти единственный верный путь.

VI. ВИЗИТ ПРИСТАВА

В конце мая без предупреждения приехал Тягунов. Он долго стоял в стороне, наблюдая за спаррингом Митрия и Никиты.

— Жёстко учишь, — заметил пристав, подходя к Северову.

— Правильно, — поправил Артём. — Жёсткость — от неуважения, а я их уважаю. Поэтому и не жалею.

Тягунов заглянул и к Волкову, когда тот разбирал с Егором карту уезда и тактику засад — места, наиболее подходящие для этого, и на поворотах дорог.

— У вас люди думать начинают, — задумчиво произнёс пристав. — Обычных казаков учат только подчиняться, а здесь иная порода выходит.

За обедом у Черкасова Тягунов сообщил новости: купцы в остроге уже готовы платить за охрану, а осенью приедет чиновник из Иркутска — посмотреть на их систему. Значит, эксперимент получил поддержку.

Перед отъездом Тягунов задержался у ворот, глядя на Северова.

— Хорошая работа. Рад, что встретил вас. Человек, которому есть ради чего возвращаться домой, служит вдвое надёжнее.

— Так точно, — ответил Артём, чувствуя за спиной взгляд Варвары.

Когда пристав скрылся за лесом, Варвара подошла к нему.

— Хвалил? — спросила она.

— Сказал, что ты — мой дом, и поэтому я хороший солдат.

Варвара промолчала, но в её взгляде Северов прочитал то, что стоило всех орденов его прошлой жизни. Над рекой летели весенние птицы, тайга зеленела, и жизнь наконец-то входила в првильное русло.

Глава 18

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Весна в тот год ворвалась в сибирские края стремительно и властно. Это не были робкие оттепели — природа словно проснулась после долгого оцепенения и разом распахнула все окна. В одну ночь по реке прошел тяжелый, утробный гул, а утром Северов застал величественное и в чём-то злое зрелище: ледяной панцирь Тунгуски лопнул. Река несла вперед исполинские льдины, которые громоздились друг на друга, скрежетали и ломались с грохотом, напоминавшим далекий артиллерийский обстрел.

Северов стоял на берегу, замороженный первобытной мощью стихии.

— Красиво, — негромко произнес Волков, возникший за спиной словно из ниоткуда.

— И жутко, — отозвался Артём.

— Это закон природы, — философски заметил Пётр. — Весна, Артём. Пора начинать.

Через несколько дней, как и обещал Черкасов, работа над срубом перешла в активную фазу. Делянку Фёдор Силантыч выбрал по-хозяйски: на том берегу, где стоял прямой, потемневший от времени кедровый сухостой. Переправлялись на лодках — вода поднялась, но была уже чистой от льда. В артель вошли сам Черкасов, Горбов-старший, ученик Степан

и — к общему изумлению — Фрол Кузьмич. Тот явился со своим верным топором и лицом человека, не принимающего никаких возражений.

Мужики работали до седьмого пота. Лес наполнялся ароматами смолы, свежей щепы и весенней прели. К обеду Варвара привезла на лодке горячую еду: пироги с рыбой по рецепту Пелагеи вызвали у рабочих единодушное одобрение. Когда к вечеру первый венец из лиственницы плотно лег на землю, Черкасов лично проверил замки в углах и скупно кивнул:

— Хорошо лежит.

Северов сел на поваленное бревно, глядя на этот строгий четырехугольник будущего дома. Он чувствовал, как внутри него самого ложится какой-то важный, окончательный фундамент.

Подготовка к свадьбе тем временем перешла в стадию «генерального наступления». Пелагея Никитична взяла на себя роль верховного главнокомандующего, вооружившись листом мелованной бумаги, любезно предоставленной ей Надеждой Павловной, и карандашом. Она составила список из тридцати восьми гостей, включая кузнеца из Верхнего Камня, и едва не довела Черкасова до бешенства требованием подать на стол лебедя, «как в старых книгах». После долгих и жарких переговоров пришлось согласиться на гусей.

Волков тоже попал под раздачу. Пелагея показала ему список требований к внешнему виду жениха, где седьмым

пунктом значилось: «борода должна быть ровной».

— У меня нет бороды, Пелагея Никитична, — попытался воззвать к логике Пётр.

— К свадьбе вырастишь, — отрезала старуха.

Сам Волков с Надеждой Павловной в эти дни трижды ездил в острог к отцу Серафиму. Батюшка, человек мудрый и проницательный, долго беседовал с ними.

— Живите по чести, — наставлял их священник.

— Мы и сейчас так живем, правда — пока по отдельности, — улыбнулся Волков, взглянув на Надежду.

Священник, посмотрев в его глаза, сказал, что в этом лишь временная трудность. В итоге решили: венчать их вместе с Северовым и Варварой — одним днем.

Мирный ход подготовки нарушил казачий гонец, прискакавший за две недели до торжества. Пакет с тягуновской печатью принес скверные вести: на приiske в верховьях Большой Касовой убили управляющего и троих старателей, забрав всю кассу артели и намытое золото. Нападавшие действовали слаженно, профессионально, без лишней суеты.

— Это крупное дело, — констатировал Волков, изучив рапорт. — Нужно ехать.

Северов прикинул время: до свадьбы четырнадцать дней, дорога в один конец — три дня. Успеть можно было только в идеальных условиях.

— Едем, — решил Артём. — И Степана возьмем. Ему пора на настоящую работу.

Варвара выслушала его молча. Она не плакала и не отговаривала — приняла новость с тем достоинством, которое Артём ценил в ней превыше всего.

— Только не опоздай, — тихо сказала она на крыльце, сжав его руку. — Я платье дошиваю.

— Не опоздаю, — пообещал он.

На Большую Касовую вышли вчетвером: Северов, Волков, Степан и Фрол с Буяном. Тайга в мае была прозрачной и светлой, пронизанной весенним солнцем. По дороге Артём учил Степана анализировать обстановку:

— Смотри на тех, кто остался. Кто слишком напуган, а кто притворяется напуганным.

Прииск встретил их запахом смерти и брошенными хижинами. Из трех оставшихся старателей один — Кузьма — вел себя странно. Степан первым заметил его затравленный, бегущий взгляд. После того как Волков без мордобоя и угроз допросил его, поймав на нестыковках в ответах, тот признался: банду навел он, и верховодит над ними местный по фамилии Кликухин. Кузьма также согласился указать место, где банда укрылась, — в пещере за порогом, чтобы переждать, пока всё утихнет.

Захват провели по классике. Фрол занял высоту, Степан перекрыл выход, а Северов и Волков подошли с двух сторон к входу. Волков громко обратился к Кликухину:

— Будете сопротивляться — положим всех. Выйдете без оружия, с поднятыми руками — будете жить!

Его голос, усиленный эхом скал, прозвучал как суровый приговор.

Поняв, что попали в ловушку, бандиты один за другим выбросили ружья. Кликухин вышел последним. Глядя на Волкова, он вдруг резко прыгнул вперед, и в руке блеснуло лезвие широкого охотничьего ножа. Волков моментально ушел с линии атаки, и тут же раздался выстрел. Кликухин, выронив нож, кулем упал на землю лицом вниз; на затылке виднелась аккуратная дырочка, из которой тонкой струйкой текла кровь. Северов, передернул затвор винтовки и ледяным взглядом оглядел остальных членов банды.

Обратный путь со связанными пленными занял чуть больше четырех дней. По дороге Волков продолжал обучение Степана, объясняя разницу между правосудием и местью.

— Наша задача — найти, обезвредить и доставить. Судить будут те, кому это положено. Помни это, иначе твоя работа закончится, не успев начаться, — наставлял он парня. Степан слушал жадно, и в его взгляде уже появлялась та самая «ясность», которая отличает профессионала от любителя.

В Нижний Камень вернулись в аккурат за неделю до венчания. Деревня встретила их восторженными голосами мальчишек, бежавших рядом. Воздух был пропитан привычными запахами — навозом и кудахтаньем кур во дворах, как и во всех деревнях того времени.

Пелагея Никитична перехватила Северова прямо у ворот.
— Артём Иванович! У меня много вопросов по... тому,

как всё по чину будет! — провозгласила она, сверкая глазами.

— Пелагея Никитична, — взмолился Северов. — Я четверо суток в седле, я хочу поесть и увидеть Варвару. Завтра — всё завтра.

— Ладно, — милостиво согласилась «генерал-губернаторша». — Только один вопрос сейчас: лошади в лентах будут или без?

— В лентах! — отрезал Северов и шагнул к Варваре, которая уже ждала его у крыльца.

Она обняла его — пыльного, усталого, пахнущего тайгой. Успел.

За воротами Пелагея в очередной раз что-то обдумывала, воздев глаза к небу и шевеля пальцами, словно что-то подсчитывая. Черкасов делал вид, что внимательно изучает реку, а весенняя тайга вокруг шумела новой жизнью. До свадьбы оставалось четыре дня.

Глава 19

ГЛАВА - 19.

В день торжества деревня Нижний Камень погрузилась в то особое, деятельное состояние, которое случается лишь перед самыми важными переменами в жизни. Мужики, стараясь казаться равнодушными, собрались у Петра Игнатьича: курили, неспешно обсуждали промысловые дела и делали вид, что ничего особенного не происходит. Северов и Волков сидели на крыльце, плечом к плечу, вслушиваясь в гулкое молчание тайги, в то время как Буян мирно дремал у ног Фрола Кузьмича. Пелагея Никитична, взявшая на себя роль верховного распорядителя, неумоимо сновала между дворами, проверяя каждую мелочь этого решающего дня.

Самое сокровенное происходило у бань, которые топились с раннего утра. К Варваре пришли женщины: Матрёна, соседка Дарья и внучка Пелагеи, принеся с собой запах сушёной мяты и берёзового листа. В предбаннике Варвара медленно разделась, чувствуя, как влажный жар обволакивает кожу. Это был древний сибирский обряд омовения невесты — смывание «девичьей воли» перед порогом новой, замужней доли.

В самой бане, где камни дышали малиновым жаром, Матрёна начала лить на плечи Варвары горячую воду, настоящую на травах. Вода стекала по крепкому, ладному телу де-

вушки, а Дарья в это время затянула протяжное причитание, больше похожее на древнее заклинание.

— Страшно тебе, девка? — негромко спросила Матрёна, бережно проходясь веником по спине Варвары. — Не страшно, — выдохнула та, подставляя лицо под ласковые струи воды, — сердце только бьётся иначе, будто ему места в груди мало.

Затем наступил черёд расплестать косу — символ девичьей свободы. Нюрка медленно, волосок к волоску, разбирала густые тёмные пряди Варвары, пока те не упали тяжёлым шёлком на её обнажённые плечи. Женщины пели о том, что больше не носить ей одной косы, что отныне она — мужнина жена. Варвара сидела неподвижно, её руки были крепко сцеплены на коленях, а мысли уходили к Артёму. Она вспоминала его глаза и ту надёжную силу, с которой он держал её за руку, понимая, что завтра эта связь станет неразрывной перед Богом и людьми. Когда волосы заплели в две косы и уложили короной вокруг головы, Варвара посмотрела в кадку с водой: на неё глядела женщина, чей взгляд стал глубже и внимательней.

У Надежды в соседней бане всё было иначе — тише и сдержаннее, как подобает городской учительнице. Пелагея и Матрёна, принявшие её как свою, исполняли те же обряды, а Надежда слушала их напевы, прикрыв глаза. Она думала о Петре Волкове, о том первом дне, когда они познакомились, о том, как многозначительно он умеет молчать. Когда Пела-

гея спросила, о нём ли её думы, Надежда лишь смущённо улыбнулась в густом пару, вспоминая их первый настоящий поцелуй в школьном классе.

Празднование началось с традиционного выкупа у черкасовских ворот, где Матрёна с девками устроили целую заставу, не пропуская женихов без боя. Северов явился со Степаном, который по правилам нёс все дары, чтобы руки Артёма оставались свободными. Торговались азартно: за Варвару отдали алый платок, кедровые орехи и серебряную монету «за красоту». Только после того, как Северов упомянул, что Пелагея Никитична сочла выкуп достаточным, Матрёна отступила. Черкасов сам вышел навстречу Артёму, молча и крепко сжал его в объятиях, признавая в нём будущего зятя.

Варвара ждала в горнице, ослепительно красивая в тёмно-синем платье, которое сшила сама, и в фамильном жемчужном ожерелье из отцовского сундука. Когда Северов перешагнул порог, он на мгновение замер, не в силах отвести взгляда от её сияющего счастьем лица.

— Царевна, — с восхищением сказал он.

— Я знаю, — ответила она и впервые так открыто улыбнулась ему при всех.

Венчание в Покровской церкви отец Серафим провёл для обеих пар одновременно. Под сводами храма пахло ладаном и старым деревом, а голоса певчих взлетали к куполу, переплетаясь с молитвами. Ванятка, заворожённый блеском венцов, громко спросил, зачем трижды ходить вокруг аналая,

на что Северов лишь шикнул, пообещав конфеты за молчание. Священник, закончив обряд, напутствовал их держать друг за друга, жить в мире и согласии — в этом, по его словам, и заключалась вся жизненная мудрость.

Пир развернули прямо на деревенской улице под открытым небом; крепкие длинные столы, накрытые белыми расшитыми скатертями, ломились от угощений. Пристав Тягунов в парадном мундире сидел рядом с Черкасовым, разделяя с ним важность момента. На столы подавали гусей, запечённых с яблоками, брусничную наливку и особую кедровую настойку от Фрола Кузьмича, секрет которой он наотрез отказался выдавать, даже когда порядком захмелел.

Когда наступил момент выкупа места за столом, Нюрка и Глафира потребовали от Северова похвального слова невесте. Артём встал и, глядя жене в глаза так, как будто они были сейчас только вдвоём, сказал:

— Варя, ты моя царица, самая прекрасная на всём белом свете повелительница тайги!

Под крики «Горько!» он поцеловал её — долго и по-настоящему. Матрёна веером рассыпала над головами двух пар молодых пшеничные зёрна, чтобы был достаток в доме, а Пелагея в очередной раз прослезилась от умиления.

Праздник не обошёлся без традиционной борьбы. Митрий вызвал желающих помериться силой с женихами; на вызов откликнулись двое молодых крепких парней и кузнец Евлахов из Покровска — мужчина с пудовыми кулаками и

могучим телосложением. Первых двух противников уложил Пётр, как всегда легко и непринуждённо, используя их собственную инерцию. Северов снял пиджак, передав его Варваре. С кузнецом пришлось посложнее: тот навалился всей массой, пытаясь задавить Артёма мощью. Однако Северов, применив армейскую сноровку, резко ушёл с линии атаки, подхватил Евлахова под локоть и, добавив вращения, впечатал его в землю, покрытую травой. Кузнец поднялся, крикнув, отряхнулся и первым протянул руку, признавая мастерство Артёма.

Под вечер вспыхнула драка, затеянная незваными гостями из Каменского. Один из них, Прошка, изрядно выпив, начал задирать Митрия, насмехаясь над местным промыслом. Когда Прошка пренебрежительно улыбнулся, Митрий, вспомнив уроки Северова, нанёс короткий, выверенный удар от корпуса. Каменский отлетел назад, сбив лавку. В мгновение ока завязалась общая свалка: Никита подхватил одного из зачинщиков за шиворот и точным движением отправил его в стоявшую у забора тачку с навозом.

Шум стоял на всю деревню, пока в центр побоища не вышел Северов. Его голос, привыкший перекрывать гул канонады, заставил всех замереть. Он не стал бить или ругаться — он просто приказал драчунам встать и пожать друг другу руки, закрепив мир стаканом кедровой настойки. Пристав Тягунов, наблюдавший за этим со стороны, лишь одобрительно кивнул Черкасову: его «особый отряд» учился управ-

лять порядком даже в разгаре хмельного веселья.

К полуночи, когда над Тунгуской лёг прозрачный туман, Пелагея объявила время провожать молодых. Под весёлые шутки и песни провожали обе пары. Артёма и Варвару отвели к небольшой, чисто выбеленной избе, которую Черкасов подготовил для них на первое время. Когда за спиной захлопнулась дверь, шум праздника сразу стал далёким и неважным.

В избе горела единственная лучина, бросая дрожащие тени на бревенчатые стены. Варвара стояла у окна, медленно снимая жемчужное ожерелье — бусина за бусиной ложились на полку с тихим стуком. Затем она вынула шпильки, и её косы, наконец-то обретшие свободу, рассыпались по плечам тяжёлым тёмным водопадом. В этом полумраке она казалась Северову воплощением самой тайги — древней, тёплой и манящей.

— Артём, ты долго смотришь, — тихо произнесла она, не оборачиваясь.

— Я люблюсь, — ответил он, подходя ближе. — Ты теперь моя жена.

Он взял её лицо в ладони, чувствуя жар её кожи и запах леса, исходящий от волос. Варвара закрыла глаза и прильнула к его рукам, отдаваясь этому мгновению без остатка. Когда он поцеловал её — медленно, глубоко, с правом человека, нашедшего свой дом, — она ответила ему с той же неистовой искренностью. В ту ночь их близость стала окончатель-

ным признанием того, что время больше не имеет значения: существовало только это тепло, этот ритм дыхания и тихий шёпот двух людей, ставших одним целым.

В соседней избе, где остановились Пётр и Надежда, царил похожая атмосфера: интеллектуальное единение незаметно перерастало в более близкое. На столе ровно горела стеариновая свеча, освещая книги и тетради на полках. Волков сидел на лавке, наблюдая, как Надежда задумчиво, с лёгкой улыбкой расплетает косы.

— Пётр, до тебя иногда мне становилось грустно, я боялась, что останусь одна и будут со мной только мои книги, — призналась она, подходя к нему и касаясь его плеча. — Теперь не будешь, — ответил он, притягивая её к себе. — Теперь мы с тобой вдвоём на всю жизнь.

Он поцеловал её — нежно и обстоятельно, как делал всё в жизни, — и Надежда почувствовала, как её аналитический, вечно чего-то ищущий ум наконец обретает покой в его объятиях. Свеча сгорела наполовину, когда тишина избы стала абсолютной, нарушаемой лишь мерным дыханием двух людей, обретших друг друга в этом времени.

А за окнами постепенно затухало гулянье. Ванятка спал, укрытый тулупом, прямо на лавке, а Фрол Кузьмич пел в ночи свою долгую, протяжную песню, похожую на шум реки. Тягунов и Черкасов, допивая настойку, обсуждали, что такие зятя, как Северов и Волков, — редкость. Степан и Никита, глядя на звёзды, рассуждали о том, смогут ли они после

обучения стать такими же, как их командиры, — мечтали о дальнейшей службе, погонях, засадах и о многом другом, о чём мечтают молодые парни.

Пелагея Никитична, обойдя дозором пустеющую улицу, остановилась и посмотрела на окна изб, где начиналась новая семейная жизнь двух молодых пар.

— Хорошо вышло, — прошептала она ночному небу, — я же говорила.

Над Нижним Камнем поблёскивали те же звёзды, что и сотни лет назад, освещая путь тем, кто решил идти рука об руку что бы не случилось.

Глава 20

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

После шумной свадьбы жизнь в Нижнем Камне не просто вернулась в привычную колею, а обрела новое, глубокое русло. Это был не резкий поворот, скорее спокойное и уверенное движение полноводной реки, которая наконец нашла верный путь, обойдя преграды.

Сруб для Северовых достроили к середине июля. Пятёро мужиков — Черкасов, Горбов, сам Артём, Степан и даже Фрол Кузьмич — работали топорами так слаженно, что последний венец положили ещё в конце июня, а к Петрову дню уже накрыли крышу. Дом получился справным: крепкие стены, просторные сени, уютная горница и кухня с русской печью. Артём спокойно вошёл в пустой ещё пока дом и замер: под низким бревенчатым потолком густо и дурманяще пахло смолой и свежесрубленным деревом. Этот запах он запомнил навсегда — запах своего дома, которого у него прежде никогда не было.

Варвара внесла в избу первый горшок с углями из отцовской печи. По древнему обычаю, огонь в новом, семейном гнезде должен был родиться от родительского пламени. Она присела у печи, осторожно раздула угли, и Северов долго смотрел, как от одного крошечного уголька занимается новый огонь — сначала робко, а затем всё увереннее и жарче.

— Ну вот, — сказала Варвара, обращаясь к нему. В полумраке её лицо казалось особенно мягким, открытым и домашним — не такой он видел её в тайге, совсем другой. — Живём.

— Живём, — эхом отозвался он, обнимая её за плечи. Только теперь, глядя на этот огонь, он окончательно осознал: это — своё, это наше.

Вечером пришёл Черкасов. Он обстоятельно обошёл все углы, потрогал стены, проверил, как лежат потолочные балки, и удовлетворённо кивнул: «Хорошо. Крепко стоит». А перед уходом он задержался у порога, посмотрел на дочь, потом на Артёма и веско произнёс: «Я её растил и берёг. Теперь она — твоя забота. Помни об этом! Живите ладом», — и вышел, притворив за собой дверь.

Волков и Надежда обустроились иначе. Они остались в той же горнице при школе — хозяйка была рада тихим и исправно платящим постояльцам. Пётр, верный своей привычке к порядку и аналитической работе, сразу поставил в комнате дополнительный стол.

— Пётр Михайлович, два стола в одной комнате — это уже канцелярия, а не жильё, — ворчала Надежда, хотя в глазах её светилась смешинка.

— Этот — для моих бумаг и для работы, тот — обеденный, — невозмутимо парировал Волков.

— Ты когда-нибудь проигрываешь споры? — спросила она, когда стол всё же занял своё место.

— Редко, — улыбнулся он, — и надеюсь, нам не придётся тратить на это время.

Они жили в бесконечных разговорах, которые начинались вечером и не могли кончиться до рассвета: обсуждали книги, психологию детей и тот странный мир, в котором им выпало встретиться.

Лето пролетело в изнурительных, но осмысленных трудах. Слух об «Особом отряде» Тягунова разошёлся по самым дальним уголкам, и люди потянулись за помощью. В июле Волков десять дней провёл на Подкаменной, расследуя пропажу казённого золота; он вернулся с одним задержанным и подробным отчётом для Иркутской губернии. Деньги, выделенные купцами Покровска на содержание отряда, позволили наладить службу и обеспечить учеников.

Степан в августе получил своё первое самостоятельное задание. В Крестовском поселении местному старосте подбрасывали письма с угрозами поджога. Парень уехал серьёзным, словно на настоящую войну, а через пять дней вернулся с победным видом — двоюродные братья старосты, решили «поделить землю по совести».

— Родственники, значит, — констатировал Северов.

— Пётр Михайлович говорил: чаще всего виновен кто-то из близких, — ответил Степан, и Артём увидел, как за три месяца парень профессионально вырос и в его взгляде стало появляться понимание того, для чего он здесь.

В конце августа в конторе Тягунова появилась «крупная

рыба» — купец из Красноярска Харлампий Фёдорович Злобин. Громогласный, с массивной золотой цепью, он привык обращать всё внимание окружающих на себя где бы он не был. Оглядев Северова и Волкова, он хмыкнул: «Молодые. Откуда такие умения?»

— Жизнь научила, — лаконично ответил Волков.

Злобину нужно было провести самый богатый осенний обоз через Голубой порог, где в прошлый раз банда из десяти человек отобрала две трети товара.

— Охрана у меня есть, да толку мало. Хочу, чтобы мои обозы ходили спокойно, не боясь, что их ограбят. Чтобы варнаки знали: соваться не стоит, — Злобин подался вперёд, буравя их взглядом.

— Это непростая задача, — кивнул Волков. — Но мы возьмёмся.

Голубой порог разведывали вчетвером вместе с Фролом. Место было идеальным для ловушки: отвесная скала с одной стороны и бушующая река с другой. Волков предложил план, основанный на психологии: «Делаем так: устроим им в этом месте ловушку. Трусливые от первого выстрела побегут».

Северов должен был занять позицию на скале сверху с Митрием и Егором, а Волков пойдёт в обозе под видом четвёртого охранника.

Надежда приняла отъезд молча, сжимая кружку обеими руками. Она понимала, какая теперь у него работа.

— Я знаю, всё будет хорошо, — сказала она Петру перед

его уходом, поцеловала и осенила его крестным знамением.

Операция прошла как по нотам. Когда банда из восьми человек начала атаку в ущелье, Фрол подал условный знак, и Северов скомандовал: «Огонь!» Четыре выстрела ударили по камням рядом с бандитами. Грохот и эхо в скальном коридоре создали иллюзию целого отряда в засаде. Четверо нападавших бросились бежать, двое упали, пытаясь спрятаться за камнями, и перебежками тоже пустились наутёк, а двоих самых отчаянных, рискнувших кинуться к подводе за золотом, Волков обезвредил лично, используя короткие и жёсткие приёмы рукопашного боя, ломая челюсти и кости.

Злобин, наблюдавший за всем этим из седла, удивлённо проговорил: «Вот это работа! Вот это я понимаю!»

Сентябрь принёс первые заморозки и письмо из Иркутска с гербовой печатью. Губернский чиновник по особым поручениям Афанасий Игнатьевич Боборыкин изъявил желание приехать в октябре, чтобы изучить опыт отряда.

— Приедет и предложит перевести нас в Иркутск, — сразу просчитал Волков.

— Наше место здесь, — отрезал Северов.

Тягунов согласился: работа отряда эффективна именно здесь, в Нижнем Камне, где они знают каждого промысловика и каждую тропу.

Боборыкин приехал в первых числах октября — худой, аккуратный, в дорогом пальто. Он с нескрываемым сомнением смотрел на маленькую деревню, пока не увидел трени-

ровку. Когда Митрий технично уложил мощного Никиту на лопатки, Боборыкин изумлённо повернулся к Волкову: «И вы из местных крестьян сделали это за четыре месяца?».

Чиновник оказался человеком дельным и прямолинейным. Он признал, что отряд решает три главные проблемы губернии: беглых, прииски и торговые пути. В итоге договорились на условиях Волкова: отряд остаётся на месте, но принимает на обучение по два-три человека из других уездов. С первичными навыками, — одобрительно кивнул Тягунов, смакуя новое слово.

Вечером после отъезда Боборыкина в новой избе Северовых было тихо и уютно. Варвара шила у окна — это был её способ глубоко обдумывать услышанное.

— Ты поедешь в Иркутск? — спросила она, не поднимая взгляда.

— Нет. С чего ты взяла?

Варвара положила шитьё и улыбнулась ему той особой улыбкой, которую берегла только для него одного, и вместо ответа поцеловала его в колючую щеку.

— Всё хорошо, Варя, — сказал он, немного смутившись, а за окном в золотых сумерках тихо шумела Тунгуска, готовясь к долгому зимнему сну.

Той же ночью Волков писал, сидя за рабочим столом. Надежда уже спала, а он набрасывал строки не в блокнот, а на отдельные листы бумаги, описывая старого казака Фрола и его верного пса Буяна, маленького Ванятку, который с гор-

дым видом прочитал свою первую страницу из азбуки. В конце он добавил несколько слов о Надежде — о том, как она читает вслух по вечерам и как её ровный голос делает мир вокруг прекрасней.

Задув свечу, он прилёг рядом с женой и подумал о том, что произошло здесь ровно год назад, и о тумане, перенёсшем их в прошлое, о чём он нисколько не жалел.

За окном текла река, убаюкивающе, еле слышно шумела тайга, и небо было усыпано крупными сияющими звёздами. Всё было хорошо. Надолго ли?